

Изъ воспоминаний о 1917—1920 г. г.

В. Краснова

Вместо предисловия

Въ 1916 году въ селѣ Благодарномъ, большомъ уѣздномъ селѣ Ставропольской губерніи началось слушаніемъ дѣло объ антиземскихъ беспорядкахъ.

Дѣло это слушалось въ выездной сессіи военно-окружного суда; обвинялось 67 крестьянъ, въ томъ числѣ двое рапеныхъ, только что прибывшихъ съ фронта солдатъ, съ примѣненіемъ ко всѣмъ 279 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, угрожающей обвиняемому смертной казнью.

На судѣ, длившемсяъ около мѣсяца, мало по малу развернулась картина этого необычнаго дѣла, изобилующаго такими эпизодами, какъ разгромъ магазина и квартиры члена управы, поджогъ земской школы, истязаніе толпой старинны, дѣла, поразившаго въ свое время и мѣстную общественность и власть.

Земство только-только что передъ войной было введено въ губерніи, только что приступило къ попыткамъ улучшить жизнь на началахъ самоуправлія, и черезъ 2 года разгорающіеся изъ эпидемію беспорядки съ разгромомъ школъ и т. д.

Судебное прѣдѣствіе военного суда приподняло лишь краюшки завѣсы надъ этой деревенской драмой, но и того, что было пріоткрыто, было достаточно, чтобы надѣяться на эти дѣла.

Призванное къ бытію послѣ долгихъ хлопотъ мѣстныхъ людей въ 1913 году, земство было введено въ губерніи съ высокимъ земельнымъ цензомъ, отдававшимъ судьбы хозяйственнаго управлія въ руки такъ называемыхъ «ставричанъ», мѣстныхъ земельныхъ бароновъ изъ крестьянскихъ кулаковъ, прибравшихъ къ рукамъ заброшенныя земли высокопоставленныхъ владѣльцевъ, въ свое время пожалованія имъ.

Обладая незначительнымъ образовательнымъ цензомъ, новорожденные земцы тали искать себѣ въ помощъ инсеменныхъ людей и находили не всегда удачно. Въ одной управѣ отдѣломъ народнаго образования вѣдалъ бывший пономарь, въ другой недавний смотритель тюрьмы. Большинство членовъ управъ заведо себѣ фуражки съ кокардами и требовало титуловать ихъ высокимъ благородіемъ. Въ смѣтѣ одной управы значилась расходная статья на приобрѣтеніе кареты для высокопоставленныхъ особъ, при чёмъ подъ этими особами подразумѣвалася состоять управы.

Предсѣдатель Благодарненской управы, недавно еще мелкий чиновникъ контрольной палаты, парадно обставилъ пріемы и сталъ издавать словесные и письменные приказы о поведѣніи крестьянъ и служащихъ при встрѣчѣ съ нимъ, а также о культурномъ пользованіи заведенными имъ... удобствами.

Первая же сѣмѣта, составленная по образцу другихъ земствъ, но безъ учета того, что въ другихъ земскихъ губерніяхъ ставки обложенія повышались постепенно, превысила существующее обложение чуть не въ 10 разъ; когда начались раскладки, крестьяне забезпокоились.

— И откуда оно взялось это земство? — приставали они къ старинѣ. Но тутъ только рукой отмахивался.

Случилось въ селѣ Александріи, гдѣ разыгрались главные безнорядки, выбирать мѣсто подъ постройку школы. Міръ памѣтилъ участокъ противъ церкви, но управа начала постройку на отлѣтѣ села противъ «универсальной» торговли и усадьбы члена управы Лелекова, для дѣтей котораго, кстати, были проложены каменные мостки черезъ дорогу, чтобы «способнѣе было» ходить въ школу.

Тѣмъ временемъ разгоралась война. Много работниковъ изъ крестьянскихъ семействъ ушло на фронтъ. Сборы стали поступать туже. Началось выколачивание ведомокъ, не минувшее и солдатскихъ семействъ. Солдатскія бабы бросались на стражниковъ, отбивая описанный скотъ, угрожая жаловаться хозяину на фронтъ. За это ихъ стражники стегали ногайками и сажали въ кутузку. Но, странное дѣло, — за 7 рублей педоимки описывали пару лошадей, да еще жатку и корову. Это «ваше высокое благородіе» — членъ управы присоединялъ къ недоимкамъ исполнительные листы своей «универсальной торговли».

Крестьяне забезпокоились еще пуще. Попробовали спросить о земствѣ у земского начальника Хитрова, но тутъ замахалъ руками:

— Я въ земствѣ столько же понимаю, сколько архіерей въ овцахъ, — буквально отвѣтилъ онъ.

Исправникомъ въ уѣздѣ въ это время былъ Масловичъ, пріобрѣтший пѣ-которую известность послѣ слѣдующаго случая. Къ нему, какъ къ и. о. полицей-майстера губернскаго города, обратился членъ Государственной Думы Н. Я. Ляхницкій съ заявлениемъ, что онъ предполагаетъ устроить публичный докладъ въ помѣщеніи городской управы. Г. Масловичъ положилъ на этомъ заявлении резолюцію обѣ отказъ въ разрѣшеніи собрания со ссылкой на законъ. При повторкѣ текста закона оказалось, что въ пункте, на который ссылался помощникъ полицеймайстера, говорится о воспрещеніи устраивать публичныя собранія въ помѣщеніи учебныхъ заведеній. На появившуюся въ мѣстной газетѣ педоумѣшую замѣтку, «какимъ образомъ городская управа попала въ разрядъ учебныхъ заведеній», г. Масловичъ прислалъ официальное опроверженіе, въ которомъ указывалъ, что «подходящаго закона у него въ полицейскомъ управлѣніи не было, и онъ справлялся по календарю». Вскорѣ послѣ этого случая г. Масловича перевели въ уѣздъ исправникомъ.

Когда къ нему пришли ходоки отъ крестьянъ съ просьбою объяснить, «отъ царя ли земство» и есть ли на него какая управа, исправникъ ихъ выгналъ, пригрозивъ, что развѣшаетъ за селомъ по телеграфнымъ столбамъ десятокъ смутяновъ, тогда мужики узнаютъ, «что такое земство».

Въ это время въ село Александрію прибыли долечинаться отъ полученныхъ на фронтѣ ранъ двое солдатъ. Солдатскія жены кинулись къ нимъ.

— Служивые, есть такой законъ, чтобы земство отбирало у солдатъ скотину?

— спрашивали онъ.

— Нѣтъ, такого закона нѣтъ. Самъ великий князь — главнокомандующій приказалъ, чтобъ у солдатъ не трогали.

— А есть законъ людей на телеграфѣ вѣшать?

— Такой законъ есть, сами видѣли.

— Ну, а какіе слухи насчетъ земства: отъ царя оно или отъ тавричанъ?

— Извѣстно, отъ тавричанъ. Вонъ допцы сказывали: не прняли они земства, царь его и уничтожилъ.

— А есть такой законъ. — не унимались бабы, чтобы въ школахъ красной печаткой печатать?

На ближайшемъ сходѣ, когда старшиной былъ поставленъ какой-то вопросъ, касающійся земства, голоса подхватили:

— Не принимаемъ земства. Такъ и пиши, моль, не принимаемъ.

Старшина замахалъ руками, но убѣдившись, что кричать почти всѣ, закрылъ сходъ. Черезъ пѣсколько дней, подъ вечеръ, въ село прибылъ со стражниками приставъ Прошкинъ. Таинственно, не отвѣчая ни на какие вопросы, расположился въ волости и, когда наступила ночь, разослали стражниковъ производить аресты.

Село Александрія, гдѣ разыгрывались эти события, вытянулось по ложбинѣ на добрый десятокъ верстъ. Аресты производились всю почь и всполошили все село. Когда родственники арестованныхъ бросились къ приставу въ волость, тотъ на разспросы ихъ, что будетъ арестованымъ, многозначительно отвѣтилъ:

— Время теперь военное, исправникъ вѣдь вамъ сказывалъ.

На самомъ дѣлѣ арестованные 7 крестьянъ должны были быть пропровождены въ губернскій городъ для содержанія подъ мѣсячнымъ арестомъ въ административномъ порядке.

Арестованныхъ подъ конвоемъ повезли изъ села. Родственники съ плачемъ разсыпались по селу. Скоро раздался набатный звонъ. Изъ дворовъ высекакивали наспѣхъ заприженныя телѣги, кое-кто бѣжалъ пѣшимъ, просто съ дреколемъ. У выѣзда изъ села, — исправникъ вѣдь сказывалъ, что «будетъ вѣшать за селомъ» — арестантовъ у стражи отбили и, повернувъ телѣгу съ ними назадъ, толпа двинулась къ волости.

По дорогѣ, у избы старшины, толпа остановилась.

— Выходи, Ларіонъ, учить тебя будемъ.

Бѣдный старшина пыталъ на крыльце съ должностнымъ знакомъ.

— Знакъ-то сними, Ларіонъ, видишь, мы бунтуемъ.

— Да вы, братцы, до смерти убьете?

— Сними, не бойсь, поучимъ маленько . . .

— Ой ли?

— Не бойсь, мы вѣдь съ понятіемъ.

Старшина снялъ знакъ и шагнулъ съ крыльца.

— Только помните уговоръ, братцы, — крикнуль онъ. Толпа навалилась, подмяла его подъ себѣ. Долго терпѣль Ларіонъ, паконецъ крикнулъ:

— Будя, черти, знакъ надѣваю!

Его высвободили, носадили на телѣгу вмѣстѣ съ арестованными. Весь въ кровоподтекахъ, съ вырванными клочьями бороды, онъ надѣлъ знакъ и, мириясь съ нимъ, точно ничего не произошло, толпа двинулась къ волости.

Но здѣсь возникло еще одно неизвестное обстоятельство. Когда предложили арестованнымъ разойтись по домамъ, тѣ, не слѣзая съ телѣги отѣтили:

— Начальство наше забирало, пускай начальство и освобождается!

Не слѣзаль съ телѣги и старшина, крѣпко держась за свой знакъ.

— Ларіонъ! — раздались голоса.

— Не я ихъ бралъ, — отвѣтилъ старшина.

— Смотри опять учить будемъ. Снимай знакъ!

— Нѣть, будя, бейте въ знакъ!

Наступила пауза. Лазарь Кучменко, — на судѣ его за это приговорили къ повѣшенію, — догадался. Здоровеннѣйший мужикъ, опѣ забрался подъ телѣгу, понатужился и, опрокидывая телѣгу, крикнулъ:

— Знакъ-то, гляди, па чемъ ли? Но крѣпко державшійся за знакъ старшина, а за нимъ гурьбой и арестанты, воспользовавшись суматохой, успѣли добѣжать до волости и занереться тамъ.

— Ларіонъ, Ларіонъ! — гудѣли около волости голоса, — дай же намъ порядку!

Но старшина изъ волости не отзывался.

— Значитъ, остается бунтовать!

И толпа двинулась громить члена управы Лелекова и выстроенную имъ напротивъ земскую школу.

Нѣскольку часовъ спустя въ село влетѣлъ вооруженный отрядъ подъ предводительствомъ того же Прошкина, даль для чего-то залѣпъ по волостному правленію и, разсыпавшись по селу, началъ обстрѣльывать дворовъ. Самъ Прошкинъ заперся въ волости. Какая-то древняя старушка подкралась къ крыльцу волости и, вынувъ натѣльный крестъ, бормотала что-то, крестя пространство. Выскочившій приставъ далъ по ней нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, но старушка уцѣлѣла, чтобы предстать на судѣ въ качествѣ подстрекательницы къ возстанію. Въ результатѣ обстрѣла оказалось 7 крестьянъ убитыми и около 20 ранеными.

Когда слушаніе этой драмы подходило къ концу и военный обвинитель требовалъ по прежнему смертного приговора въ отношеніи всѣхъ 67 подсудимыхъ, въ судебнѣмъ залѣ поднялась такая волна рыданій, что судебнѣе засѣданіе было прервано. Проходя въ этотъ моментъ мимо скамей подсудимыхъ, одинъ изъ военныхъ судей задержался около плачущаго солдата подсудимаго и почти крикнулъ: «не смѣй, слышишь, не смѣй. Я отрублю себѣ руку скорѣе, чѣмъ она подпишетъ смертный приговоръ». Приговоромъ суда, смягченнымъ впослѣдствіи главвокомавдующимъ, трое были присуждены къ повѣшенію и около 40 крестьянъ къ каторгѣ и исправительной тюрьмѣ на различные сроки.

Я позволилъ себѣ подробно разсказать обѣ этомъ своеобразномъ дѣлѣ, убѣждепный послѣдующими годами, какъ много въ этомъ «маломъ бунтѣ», ограниченномъ пространствомъ и лицами, намѣчалось элементовъ для падающейся великой российской бѣды. Здѣсь въ расширенномъ масштабѣ и власть, снимающая свой знакъ, когда народъ бунтуется, и солдаты, разъясняющіе законы, и народъ бунтующій, когда власть не даетъ имъ порядку, и голоса, просящіе и въ самомъ бунтѣ о порядкѣ для своей взбаламученой души.

Насколько тамъ, гдѣ это мнѣ пришлось наблюдать, дало порядокъ взбаламученной душѣ правительство марковскаго переворота, пришедшіе затѣмъ ему на смѣпу большевики и, наконецъ, боропшіеся съ ними генералы, попытались разсказать по мѣрѣ силъ и памяти.

I

Первые вѣсти о переворотѣ. Комитетъ Общественной безопасности. «Не лѣзѣ здраваго смысла». Присяга войсковыхъ частей. Пріемъ отъ губернатора секретнаго архива. Эпизодъ съ устраненіемъ городского головы Н. Г. Дирихсона отъ должности.

Вѣсть о мартовскомъ переворотѣ застала меня въ Ставропольской губерніи, пережившей въ 1915 году антиземскіе беспорядки, а во второй половинѣ 1916 г. продовольственная волненія. Губернаторъ князь С. Д. Оболенскій, не проявившій особыхъ административныхъ талантовъ во время этихъ беспорядковъ, направилъ всѣ усплія къ тому, чтобы полученный изъ Петербурга вѣсти не вышли за предѣлы интимнаго круга его ближайшихъ сотрудниковъ и, лишь послѣ получеія акта отреченія государя, созвать совѣщавіе въ составѣ начальниковъ офиціальныхъ учрежденій, городского головы и предсѣдателя земской управы. На совѣщавіи этомъ, затѣмъ периодически собиравшемся въ губернаторскомъ домѣ, предсѣдателемъ суда П. А. Бурменскимъ, явившися покойнымъ, былъ поставленъ вопросъ о юридическомъ значеніи акта отреченія монарха не только отъ своего имени, но и отъ имени наслѣдника.

Но пока это происходило въ губернаторскомъ домѣ, вѣсти о произошедшемъ просочились паружу и стали достояніемъ широкихъ круговъ населенія и вывели жизнь города изъ обычной колеи. Зданіе городской думы превратилось въ своеобразный клубъ, клокочущій самыми противорѣчивыми слухами о происходящихъ вокругъ Москвы и Петербурга кровопролитныхъ бояхъ, о прорывѣ фронта, о начавшейся всеобщей забастовкѣ и т. д.

Наиболѣе экспансивная часть партійной молодежи использовала этотъ моментъ для устройства летучихъ митинговъ, на которыхъ еще туже паматывался клубокъ безотвѣтственныхъ слуховъ. Стало доходить свѣдѣнія о памѣчающемся бреженіи въ мѣстномъ гарнизонѣ, изобилующемъ молодыми мобилизованными, обѣ имѣвшихъ уже мѣсто случаяхъ неповиновенія командному составу, о расступающемся недовольствѣ офицерскаго состава противъ начальника гарнизона, не проявляющаго пониманія создавшейся обстановки.

Губернаторъ кн. Оболенскій не выходилъ изъ своей квартиры. Вице-губернаторъ г. Мишинъ, при получеіи первыхъ же вѣстей, спѣшилъ выѣхать изъ предѣловъ губерніи. Жизнь въ офиціальныхъ учрежденіяхъ замерла. На улицахъ стали учащаться попытки своеобразного ареста должностныхъ лицъ.

Образовавшійся при такихъ условіяхъ изъ расширеншаго состава городскихъ гласныхъ Комитетъ Общественной безопасности взялъ на себя інициативу обращенія къ военному округу съ просьбой о срочной замѣнѣ начальника гарнизона энергичнымъ боевымъ полковникомъ. Гориковымъ, и одновременно просилъ губернатора сообщать комитету въ копіяхъ получаемыя имъ денеси для опубликованія. Тѣмъ временемъ пришло офиціальное сообщеніе обѣ условію отказъ Михаила Александровича отъ престола, организаціи Временнаго Правительства и вслѣдъ за этимъ послался дождь распоряженій изъ Петербурга, Москвы и... Тифлиса. Послѣдній съ загадочною подписью «дирканакомъ» были ужъ совсѣмъ недоразумѣнъ, ибо Ставропольская губернія еще въ 90-хъ годахъ была выдѣлена изъ состава Кавказскаго Края и только въ военномъ отношеніи подчинялась Тифлису.

Циркулярнымъ распоряженіемъ Временнаго Правительства въ управлениѣ губерніей вступилъ предсѣдатель губернской земской Управы А. М. Кухнинъ, помочь которому въ его трудномъ положеніи молодого администратора Комитетъ считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей. Обильныя количественно распоряженія изъ центра, въ дѣйствительности, почти не давали никакихъ руководящихъ указаний. Чувствовалось, что въ центрѣ преобладаетъ надежда, что авось все какъ-нибудь до поры до времени образуется.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидался прїездъ изъ Петербурга члена Гос. Думы отъ Ставропольской губерніи Д. Д. Старлоchanova, который долженъ быть прибыть къ открытію губернского земскаго собранія. Но выступившій на собраніи, Д. Д. Старлоchanовъ закончилъ свою обширную рѣчь, освѣдомительного характера, указаниемъ, что «старые законы потеряли силу, новые еще не созданы и вся надежда правительства на разумную самодѣятельность на мѣстахъ. Старайтесь только не быть лѣвѣ здраваго смысла».

Этимъ стараніемъ «не быть лѣвѣ здраваго смысла» и можно охарактеризовать первый періодъ работы на мѣстахъ, не дѣлая исключенія и для работы создавшихся совѣтовъ, пока не заполнили губернію сорвавшіяся съ фронта части 39 дивизіи.

Преобразованный послѣ земскаго собранія въ губернскую организацію Комитетъ общественной безопасности въ выработанномъ имъ самимъ наказѣ опредѣлялъ свою дѣятельность ролью вспомогательнаго совѣщательнаго органа, дѣйствующаго лишь до завершенія выборовъ въ Учредительное Собрание и преобразованія по новому закону городского и земскаго самоуправленія. Возникшіе въ губерніи и городѣ совѣты разныхъ наименованій признали de facto комитетъ руководящимъ органомъ и за небольшими исключеніями оказывали разумную поддержку начинаніямъ комитета, направленнымъ къ сохраненію порядка, вплоть до того времени, пока составъ совѣтовъ не заполнился сорвавшимися съ фронта солдатами.

Послѣ короткаго періода тревоги о настроеніяхъ въ мѣстномъ гарнизонѣ, въ первые дни существованія комитета, назначенный изъ округа начальникомъ гарнизона полк. Горшковъ, явившись въ одно изъ засѣданій комитета, заявилъ, что гарнизонъ въполномъ порядке и просилъ назначить день приведенія къ присягѣ войскъ. Присяга состоялась въ ближайшее воскресенье на площади соборной горы, куда собраны были всѣ части, не занятыя гарнизонной службой. Послѣ богослуженія и слова епископа Михаила, обращенного къ войскамъ съ паперти собора, начальникъ гарнизона полк. Горшковъ, кавалеръ орденовъ св. Георгія и Почетнаго легіона, обратился къ войскамъ съ небольшой, произнесенной отрывисто, точно команда, съ большимъ подъемомъ, рѣчью, закончивъ ее словами: государь и его правопреемники указали правительство, которому мы всѣ должны повиноваться. Политика — не дѣло арміи, высшее благо для насъ счастье Родины, высшій законъ исполненіе своего долга предъ Родиной и властью. Да сокрушитъ Господь Богъ всякую руку, поднявшуюся противъ Россіи и да поможетъ новой власти сохранить ее великой. Клянусь служить Родинѣ и власти всѣмъ сердцемъ своимъ и разумомъ.

Послѣ присяги состоялся парадъ гарнизопу. Войска проходили передъ зданіемъ городской думы, салютуя управляющему губерніей и комитету общественной безопасности, вечеромъ же у думскаго балкона открылся многолюдный митингъ съ рѣчами, начинаящимися болѣею частью словами: «пали щиты» и т. д.

На комитетѣ лежала обязанность безболезненно ввести взбаламученную жизнь въ ея русло, уберечь отъ легкомысленной ломки, до перестройки законодательнымъ путемъ, дѣйствующій служебный механизмъ и бороться со всякою рода своевольствомъ и эксцессами, откуда бы они ни исходили. Этой основной линіи поведенія, «не лѣвѣ здраваго смысла», какъ опредѣлилъ Д. Д. Старловъ, и старался держаться комитетъ. Но дѣятельность его протекала не безъ курьезовъ. Особенно изобиловала ими работа комитета на первыхъ порахъ, когда на комитетъ былъ проявленъ усиленный напоръ извиѣ. Первые засѣданія комитета почти цѣликомъ уходили на разсмотрѣвіе заявлений многочисленныхъ организацій, до «кружка эсперантистовъ» включительно, требовавшихъ себѣ представительства въ комитетъ. Засѣданія президіума комитета продолжались чуть не круглые сутки, причемъ такая длительность присутственныхъ часовъ вызывалась не столько необходимости, сколько непривычкой беречь время.

Сгоряча комитетъ смѣнилъ весь высший составъ полиції, назначивъ въ порядкѣ общественной повинности лицъ съ юридическимъ образованіемъ для завѣдыванія полицейскими участками. Обязанности начальника милиціи несли одновременно котаріусъ В. И. Манжось-Бѣлый и присяжный повѣренный Н. Я. Павловскій, — послѣдній, впрочемъ, недолго. В. И. Манжось-Бѣлый развивалъ кипучую энергию, проводя большую часть служебного времени въ полицеймейстерской пролеткѣ, переносясь на парѣ буланыхъ лошадокъ съ одной базарной площади на другую, оттуда на бойни, скотопригонный дворъ и т. д. Но обыватель, крѣпко помнящій правило, что землякъ не можетъ быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, продолжалъ видѣть въ немъ больше милаго собесѣдника, чѣмъ главу милиціи.

Въ полицейскихъ участкахъ дѣло на первыхъ порахъ настолько плохо спорилось, что пришлось просить уволенныхъ приставовъ взять на себя инструкторскую работу, и они весьма скоро вернулись въ участки уже въ качествѣ инструкторовъ. И начальникъ милиции и участковые комиссары подъ конецъ съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда новый законъ объ организаціи милиціи дастъ имъ преемниковъ въ лицѣ постоянныхъ служащихъ, и, кажется, безъ сожалѣнія вернулись къ привычнымъ для нихъ занятіямъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней по организаціи комитета мнѣ было поручено переговорить съ губернаторомъ кн. С. Д. Оболенскимъ о передачѣ имъ комитету для разборки секретныхъ архивовъ и переписокъ. Мою просьбу наблюсти, чтобы служащими не дѣжалось попытокъ къ уничтоженію дѣлъ, губернаторъ выполнилъ съ такою щепетильностью, что среди другихъ дѣлъ вручилъ мнѣ лично неожиданную для меня переписку по вопросу о высылкѣ меня изъ предѣловъ Кавказскаго Края. Возникла эта переписка по слѣдующему поводу.

Но вслѣдствіемъ передъ 1917 г. городскимъ головой въ Ставрополѣ былъ избранъ д. с. с. И. Г. Дирихсонъ, известный своей ревизіей Кавказскихъ Минеральныхъ водъ, пользовавшійся большимъ престижемъ на Сѣверномъ Кавказѣ въ качествѣ главы мѣстнаго контроля. Человѣкъ необычайно прямолинейный, не допускающій какихъ бы то ни было дипломатическихъ обходовъ закона и интересовъ городской казны, И. Г. Дирихсонъ весьма скоро не поладилъ съ губернаторомъ кн. Оболенскимъ. Первое столкновеніе у нихъ произошло по вопросу о выдачѣ квартирныхъ денегъ жандармскому подполковнику Бруну, имѣвшему въ городѣ собственный домъ. Ссылаясь на законъ, городская управа отказалась выдать этихъ денегъ подполк. Бруну. Въ отвѣтъ на предложеніе губернатора все же эти деньги выдать И. Г. Дирихсону внесъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе городской думы, и та раздѣлила точку зрения г. Дирихсона и

управы. Губернаторъ обжаловалъ это постановлѣніе думы и одновременно возбудилъ вопросъ о привлечениіи Н. Г. Дирихсона къ отвѣтственности съ устраниніемъ его отъ должности.

Тѣмъ временемъ, — это было въ 1916 г., — въ гор. Ставрополѣ разразился погромъ жилыхъ квартиръ и магазиновъ. Докладывая въ экстренномъ думскомъ засѣданіи о мѣрахъ къ предотвращенію дальнѣйшихъ беспорядковъ, Н. Г. Дирихсонъ указалъ, что, въ сущности, по его наблюденіямъ, никакого погрома и не было бы, если бы администрація и военные караулы, призванные къ охранѣ магазиновъ, не вселили своимъ бездѣйствіемъ въ погромщикахъ увѣренности, что дѣйствія ихъ не встрѣтятъ отпора. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ по-громщицы качали на рукахъ губернатора, солдаты же, поставленные для охраны магазиновъ, помогали погромщикамъ вытаскивать товары.

Черезъ короткій промежутокъ времени было получено телеграфное распоряженіе Главнокомандующаго Кавказской Арміей вел. кн. Николая Николаевича обѣ устраниеніи Н. Г. Дирихсона отъ должности городского головы. Дума была ошеломлена. Устраивали отъ должности въ такой отвѣтственный моментъ человѣка, такъ мвого сдѣлавшаго для городского самоуправленія, человѣка, пользующагося высокимъ престижемъ далеко за предѣлами губерніи, прошедшаго, наконецъ, такой служебный стажъ, который, казалось бы, гарантировалъ его отъ такихъ скородѣйствующихъ средствъ.

Узнавъ о настроеніяхъ думы, и губернаторъ, и подп. Брунъ подъ сурдинку предостерегали членовъ управы и гласныхъ отъ какихъ-либо шаговъ, направленныхъ въ защиту Н. Г. Дирихсона. При характерѣ великаго князя, — указывалъ онъ, — возможно и раскассированіе думы и отправка наиболѣе строптивыхъ гласныхъ въ Нарымскій Край. Въ закрытомъ совѣщаніи гласныхъ мнѣ было поручено сѣѣздить въ Петербургъ и Тифлисъ, позондировать почву о возможности возстановленія г. Дирихсона.

По указанію тогдашняго московскаго городского головы М. В. Челюкова я обратился въ Петербургъ къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ князю В. М. Волконскому, который въ свою очередь далъ мнѣ письмо на имя помощника Кавказскаго Намѣстника кн. В. Н. Орлова и посовѣтовалъ дѣйствовать только тамъ, пбо вмѣшательство изъ Петербурга въ компетенцію вел. кн. Николая Николаевича онъ считалъ совершенно невозможнымъ.

По возвращеніи изъ Петербурга я сообщилъ тѣсному кругу гласныхъ о предполагаемыхъ мною въ дальнѣйшемъ шагахъ, рассказалъ о бесѣдѣ съ кн. Волконскимъ и о письмѣ его. Въ ту же почъ ко мнѣ явился съ обыскомъ подп. Брунъ, по письма кн. Волконскаго не обнаружилъ. Я поторопился выѣхать въ Тифлисъ. Тамъ при содѣйствіи городского головы А. И. Хатисова я подробно ознакомилъ кн. В. Н. Орлова съ дѣломъ г. Дирихсона, и получилъ онъ него обѣщаніе, что съ своей стороны онъ сдѣластъ все возможное, чтобы возстановить Н. Г. Дирихсона въ должности, напомнивъ объ этомъ великому князю при первомъ представившемся случаѣ. Въ концѣ нашей бесѣды я рассказалъ о покушеніи подп. Бруна на письмо. Улыбнувшись, кн. Орловъ сказалъ, что приметъ мѣры, чтобы это не повторилось. Спустя иѣкоторое время г. Дирихсонъ былъ возстановленъ въ должности и затѣмъ почти единогласно переизбранъ въ городскіе головы новой думой, созванной уже по новому закону Временнаго Правительства.

Всего этого, конечно, не было въ перепискѣ по вопросу о высылкѣ меня, но былъ приведенъ другой, не менѣе неожиданный для меня мотивъ.

На ставропольскихъ дворянскихъ выборахъ, происходившихъ въ 1916 г., графомъ М. П. было предложено послать привѣтственную телеграмму на имя вдовствующей императрицы. Въ перерывѣ собранія я спросилъ графа М. П., почему онъ взялъ на себя инициативу этого предложенія въ то время, какъ собраніе не предполагаетъ посыпать другихъ привѣтствій.

— А этимъ мы подчеркнемъ наше отвѣщеніе къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, — отвѣтилъ онъ.

— Но стоитъ ли прибѣгать къ такому способу, вѣдь Марія Федоровна столько же является оплотомъ реакціи, какъ и Александра Федоровна, — замѣтилъ я.

Объ этомъ разговорѣ графъ М. П. передалъ губернскому предводителю С. П. Бурсаку, а тогдѣ разсказалъ кн. С. Д. Оболенскому и подп. Бруну. И губернаторъ, и подп. Брунъ не замедлили использовать этотъ эпизодъ, значительно видоизмѣнивъ его, какъ мотивъ къ удаленію меня изъ предѣловъ края. Переписка заканчивалась резолюціей помощника намѣстника кн. Орлова, что онъ для этого не падаетъ достаточно оснований. Впослѣдствіи комитетъ опубликовалъ выдержки изъ этой переписки.

Среди другихъ дѣлъ, переданныхъ губернаторомъ комитету, имѣлись секретные характеристики мѣстныхъ дѣятелей до б. уѣзда предводителя дворянства К. А. Рослякова включительно, періодическая допесенія о положеніи въ губерніи и, между прочимъ, дѣло о разговѣ приставомъ Просняковымъ гостей изъ квартиры губернского предводителя дворянства въ 1913 году, или, какъ оно называлось, «о предвыборномъ собраніи въ квартирѣ д. с. с. Краснова». Дѣло это кончилось большимъ реprimандомъ для тогдашняго губернатора Б. М. Янушевича и переусердствовавшаго полицеймейстера М. М. Старосельскаго. Для разборки этихъ дѣлъ комитетомъ была образована комиссія, а затѣмъ, по обозрѣніи, дѣла были переданы на храненіе въ одно изъ городскихъ книгохранилищъ.

II

Разслѣдованіе о дѣятельности жандармскаго подполк. Бруна. Сотрудники и сотрудницы г. Бруна.

Въ первые же дни по возникновеніи комитета въ городѣ были арестованы б. приставъ Залѣвской, начальникъ сыскного отдѣленія Сычевъ и жандармскій подп. Брунъ. Залѣвской и Сычевъ вскорѣ были освобождены по распоряженію комитета; что же касается подп. Бруна, то, въ виду повышенно острого раздраженія противъ него, комитетъ постановилъ произвести подробное разслѣдованіе о его дѣятельности и, до окончанія разслѣдованія, содержать его при военной гауптвахтѣ. Когда въ засѣданіи комитета производство этого разслѣдованія было предложено мнѣ, я заявилъ о своемъ отказѣ, сославшись на то, что подп. Брунъ причинилъ мнѣ своими дѣйствіями не мало огорченій и поэтому порученіе разслѣдованія мнѣ можетъ быть понято, какъ выдача мнѣ подп. Бруна для сведенія съ нимъ моихъ старыхъ счетовъ. Но, когда послѣ моего отказа стали выдвигаться кандидатуры наиболѣе экспансивныхъ сторонниковъ примѣрной расправы съ г. Бруномъ, я взялъ свой отказъ обратно, полагая, что, будучи заброшенному, въ силу прежней дѣятельности Бруна въ отношеніи меня, отъ запо-

дозриванія въ излишнемъ пристрастіи въ пользу подполковника, я болѣе другихъ смогу оградить г. Бруна отъ простой расправы съ нимъ. И, дѣйствительно, послѣ моего доклада комитету о результатахъ разслѣдованія, г. Бруну было предложено, во исполненіе общаго распоряженія Временнаго Правительства, отбыть въ распоряженіе воинскаго начальства, что тотъ поспѣшилъ сдѣлать.

Бозврашаюсь къ разслѣдованию. Когда я прибылъ въ помѣщеніе, где содержался подп. Брунъ и сказалъ ему, что на меня возложено разслѣдованіе о его дѣятельности, Брунъ такъ разнервничался, что мнѣ пришлось объяснить ему мотивы, почему я принялъ это порученіе, и дать ему время успокоиться. Я просилъ Бруна указать мѣсто и лицъ, где находится его переписка и отчетность и сообщить списокъ его секретныхъ сотрудниковъ. При этомъ я предупредилъ г. Бруна, что я персонально, если приду къ выводу, что онъ пытается меня въ заблужденіе или что-либо скрываетъ, откажусь отъ участія въ разслѣдованіи. Угодно вамъ принять это условіе, — спросилъ я? Послѣ некотораго раздумія г. Брунъ просилъ приступить къ разслѣдованію. Перечисляя своихъ негласныхъ сотрудниковъ, г. Брунъ расшифровывалъ ихъ фамиліи, скрытые подъ различными кличками: красавая, расторопный, усердный и т. д. Оказалось, что имъ были привлечены къ сотрудничеству: подъ кличкой «красавая» жена популярнаго перводумца-эмигранта, подъ кличкой, кажется, «усердный» молоденькая курсистка, только-что вышедшая замужъ за студента, затѣмъ миловидная сельская учительница, почтальонъ, низший служащий мужской гимназіи и заводской рабочій. Перечисливъ этихъ лицъ, г. Брунъ остановился.

— Всѣ, спросилъ я.

— Такъ точно, всѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится напомнить вамъ о нашемъ условіи и проститься съ вами подполковникъ, ибо въ вашемъ послѣднемъ донесеніи пересланномъ мнѣ изъ Владикавказа, вы сообщаете о привлечении вами къ сотрудничеству подъ кличкой «рѣзвый» жены мѣстнаго общественнаго дѣятеля, указывая, что этотъ сотрудникъ уже оказалъ вамъ весьма цѣнныя услуги.

— Ну что-жъ дѣлать! Если вамъ это известно. Вы поймете побужденія скрыть этого сотрудника, отвѣтилъ Брунъ.

И онъ, дѣйствительно заставилъ меня поблѣдѣть, когда назвалъ фамилію жены моего товарища по гимназіи и университету, бывавшей у меня въ семье...

— А чѣмъ вы докажете, что не обманываете меня на этотъ разъ?

— Чѣмъ угодно. Взгляните на почеркъ на роспискахъ.

На этомъ наша первая встреча съ подп. Бруномъ закончилась. Вторая происходила при болѣе тяжелой обстановкѣ. Вернувшись домой, я попросилъ по телефону жену моего товарища зайти ко мнѣ. Вскорѣ она пришла. Съ подчеркнутой связностью, протягивая мнѣ руку, она спросила меня:

— Что это за таинственный вызовъ?

Я, молча, указалъ ей на лежащія за подписью «рѣзвый» росписки о получении отъ подп. Бруна по 25 рублей въ мѣсяцъ за доставленіе ему негласныхъ свѣдѣній. Моя гостья вспыхнула и, хлопнувъ дверью, вышла, бросивъ на ходу:

— Вы будете разговаривать съ моимъ мужемъ.

Черезъ пѣкоторое время раздался первый звонокъ по телефону, и ея мужъ спросилъ меня:

— Что это значитъ? Моя жена, вернувшись, бьется въ истерикѣ, говорить, что ты тяжко оскорбилъ ее.

— Приходи сейчас же ко мнѣ.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, я указалъ ему на росписки.

— Брунъ утверждаетъ, что это почеркъ твоей жены.

— Что? Да, да, очень похоже. Въ такомъ случаѣ я требую очной ставки.

Я, молча, посмотрѣлъ на него.

— Да, да, я требую очной ставки.

— Послушай, перебилъ я, поговори съ женой, можетъ быть есть какои-нибудь другой выходъ.

— Нѣть, нѣть, я хочу убѣдиться самъ. Я требую очной ставки, я... Онъ не докончилъ и выбѣжалъ изъ комнаты. — Когда мы втроемъ вошли къ подп. Бруну, мужъ, послѣ продолжительной нервной паузы, обратился къ Бруну съ вопросомъ:

— Я не знаю, въ силу какихъ побужденій вамъ угодно было оклеветать мою жену.

— Нѣть, я сказалъ правду.

— Въ такомъ случаѣ я требую доказательствъ.

— Хорошо, я ихъ представлю. Помните, — обернулся Брунъ къ дамѣ, — какъ это произошло? Осенью, въ сентябрѣ, — Брунъ называлъ число, — я встрѣтилъ васъ въ каштановой аллѣ городского сада. Вы были чѣмъ-то взволнованы, перво теребили зонтъ, шли какъ-то зигзагами, переходя аллею вкось. Я подошелъ къ вамъ. На мой вопросъ, что съ вами, вы рассказали мнѣ, что вашъ мужъ устроилъ вамъ только-что сцену изъ-за пустяковъ, что мужчины не могутъ понять психологіи молодой женщины, которой хочется нравиться, хочется быть хорошо одѣтой. И вся исторія, — сказали вы, — изъ-за десятирублевой склянки загравицныхъ духовъ. Я посовѣтовалъ вамъ имѣть самостоятельный заработокъ. — Что же, цѣлый день стучать на пишущей машинкѣ? — Нѣть, я могъ бы вамъ предложить за работу у меня, самую пустяшную, какъ вы увидите, рублей сто съ тѣмъ, чтобы вы выдали не за вашей подписью четыре росписки о полученіи отъ меня содержанія по 25 рублей въ мѣсяцъ. Подумайте, и черезъ 2 дня приходите сказать вашъ отвѣтъ. Я далъ вамъ адресъ конспиративной квартиры.

— Послушай, но вѣдь исторія съ духами, дѣйствительно была, — прервалъ мужъ.

— Да, я имѣла неосторожность первому встрѣчному разсказать это, не предполагая, что онъ такъ ловко используетъ это для какихъ-то, только ему известныхъ цѣлей.

Брунъ продолжалъ: вы пришли ко мнѣ въ условленный часъ иѣсколько необычно одѣтой, сильно завуалированы... росписки вы подписали.

— Послушай, но вѣдь и это было. Я, помню, еще спросилъ тебя, почему ты такъ странно одѣлась.

— Ахъ, да не мучайте меня! Все это ложь — онъ просто встрѣтилъ меня на улицѣ.

— Я приведу еще одинъ эпизодъ. Подъ наступающій новый годъ у вашего общаго знакомаго собралось иѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и вы. Передъ двѣнадцатью часами раздался звонокъ по телефону. Къ аппарату подошелъ вашъ мужъ. — Кто говоритъ? — Полковникъ Брунъ. — Что памъ угодно? — На какомъ основаніи у васъ незаконное сборище? — Я сейчасъ позвону хозяину. Подошелъ хозяинъ квартиры. — Что угодно? — У васъ незаконное сборище! — Но, позовите, полковникъ, это не сборище, а просто гости, встречающіе новый

годъ. Вонъ уже бьютъ часы. — Бьютъ часы? Ну въ такомъ случаѣ съ новымъ годомъ, дорогой мой!

Оказывается, кто-то пошутилъ. На другой день вы все это мнѣ доложили. Кто другой изъ присутствовавшихъ, — Брунъ назвалъ фамилии остальныхъ гостей, — могъ мнѣ это разсказать?

— Да, помогите же... Онъ пытается меня самую убѣдить въ томъ, чего не было. Вы опытнѣе меня и знаете, какъ эти господа умеютъ плести интригу, умеютъ запутать любого. Можетъ быть, онъ хочетъ кого-нибудь скрыть за моей спиной? Скажите, полковникъ, кого вы хотите спасти, убивая меня? Вѣдь вы понимаете, что убиваете меня и физически, и морально. Вѣдь у меня малютка дочь...

Наступила пауза. Жена моего товарища первно постукивала концомъ зонта по своему ботинку. Потомъ подняла глаза, посмотрѣла на насъ вкось и усмѣхнулась.

— А впрочемъ, будеть. Все это мнѣ падѣло. Онъ говорить иправду, — росписки эти мон. Пусть это будетъ тебѣ наукой, — обратилась она къ мужу.

Этотъ неожиданный переходъ ошеломилъ насъ. Все же до послѣдней минуты была надежда, что это только искусственная интрига подп. Бруна, сумѣвшаго подтасовать обстоятельства противъ молодой женщины. Оказалось все такъ легко и просто. Разслѣдованіе о дѣятельности другихъ негласныхъ сотрудниковъ дало почти такой же «шаблонный» материалъ. Состояли у Бруна сотрудниками еще двѣ молодыхъ миловидныхъ женщины, обязанности которыхъ носили скорѣе «не служебный» характеръ, одна полуироститутка, полуразбитый паралическій почтальонъ, воровавшій на почтѣ письма для г. Бруна, старый гимназический дядька и жалкій заводской рабочій. Послѣ моего доклада о характерѣ дѣятельности этихъ сотрудниковъ, комитетъ постановилъ не опубликовывать ихъ именъ и лишь въ отношеніи жены члена Гос. Думы О. пришлось прибѣгнуть къ оглашенію ея сотрудничества, такъ какъ она и послѣ изобличенія ея въ этомъ продолжала шантажировать именемъ своего мужа. Отчетность г. Бруна, за исключеніемъ небольшихъ шероховатостей, была въ порядкѣ.

Работа полк. Бруна по освѣщенню положенія въ губерніи носила такой элементарно наивный характеръ, даваемыя имъ характеристики «опасныхъ» людей были такъ нелѣпы, что приходилось только удивляться начальству г. Бруна, не только терившему его на службѣ, но даже приносившему ему въ жертву такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, почтенный Н. Г. Дирихсонъ. Комитетъ брезгливо отмахнулся отъ г. Бруна и предложилъ ему поторопиться покинуть предѣлы губерніи для явки въ воинскую часть.

Впослѣдствіи полк. Брунъ, во времена ген. Деникина, получилъ отвѣтственное назначеніе на постъ начальника сочинского округа, граничной съ Грузіей территории, исключительно отвѣтственной по тому времени. Объ этомъ приходится только пожалѣть.

III

Положеніе въ губерніи. Власть на мѣстахъ. Больные вопросы. Отношеніе къ новой власти.

Вступившій въ управлениѣ губерніей предсѣдатель губерянской земской управы А. М. Кухтинъ, пробывши на этомъ посту недолгое время, просилъ цен-

тральное правительство освободить его отъ этихъ обязанностей. Изъ Петербурга постъ губернского комиссара былъ предложенъ Д. Д. Старлоchanову, но онъ, прежде чѣмъ отвѣтить на это предложеніе, просилъ губернскій комитетъ обсудить вопросъ о кандидатурахъ на эту должность. Комитетъ къ кандидатурѣ Д. Д. Старлоchanова отнесся сочувственно, и вскорѣ онъ получилъ назначеніе. Помощникомъ комиссара былъ назначенъ адвокатъ-цивилистъ Р. Р. Глиндзичъ, кандидатура которого предварительно была одобрена президіумомъ комитета.

При вступлениі въ управлениі губерніей, новому комиссару, человѣку, по званію члена Гос. Думы освѣдомленному въ положеніи губерніи и ея больныхъ вопросахъ, нельзѧ было закрывать глазъ на трудность его положенія, усугубляемаго царившимъ въ губерніи многоначаліемъ и беззначаліемъ въ то же время. Особенно это чувствовалось въ уѣздахъ. Распоряженіемъ Временнаго Правительства институтъ земскихъ начальниковъ былъ упраздненъ, но продолжали функционировать предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, о которыхъ законоподатель забылъ, такъ какъ въ центральныхъ губерніяхъ предсѣдательствовали въ съѣздахъ ex officio уѣздные предводители и лишь въ иѣсколькихъ губерніяхъ имѣлись особые предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ. Функции этихъ забытыхъ до поры до времени администраторовъ естественно должны были свестись къ простой охранѣ старыхъ дѣлъ, но иѣкоторые изъ нихъ склонны были проявлять свою былую административную власть. Почти повсюду въ уѣздахъ происходила смѣна чиновъ старой полиції при отсутствіи контингента лицъ, подготовленныхъ къ песянію этой службы. Возникшіе по примѣру губернскаго, уѣздные комитеты общественной безопасности, въ достаточной мѣрѣ лояльные по отношенію къ власти, проходили робкій курсъ обученія общественности. Уѣздныя земскія управы, въ значительной степени претендовавшія на роль не только хозяйственнаго, но и административнаго органа, были въ уѣздахъ попрежнему не популярны. Лишь виослѣдствіи была создана должность уѣздааго комиссара, являвшагося маленькимъ губернаторомъ у себя въ уѣздѣ и объединявшаго вокругъ себя уѣздныя учрежденія.

Въ волостяхъ дѣло обстояло иѣсколько лучше, ибо организовавшіеся большою частью съ волостнымъ старшиною во главѣ, волостные комитеты играли при старшинѣ роль волостныхъ управъ и постепенно втягивались въ кругъ административно-хозяйственныхъ дѣлъ, опредѣляя въ своемъ составѣ работниковъ для будущаго волостного земства. Ничего худого не было отъ такой замѣны прежняго разрешенія вопросовъ на митингующихъ сходахъ въ сесіи словеснѣмъ коллегіальнымъ органомъ мѣстныхъ людей. Здѣсь жизнь пробила первую брешь въ той изоляціи крестьянъ отъ другихъ сословій, которая послѣдовательно проводилась раньше, и пуще всего боялась создания всесословной волости. Долговременій культь этой своего рода китайской стѣны вокругъ мужика и предоставлениѳ крестьянамъ вариться въ собственномъ соку на митингахъ, называвшихся сходами, должно, мѣрѣ кажется, снять хоть часть вины съ русской интеллигенціи, когда обвиняютъ послѣдию въ оторванности отъ крестьянскаго населенія, и хоть до иѣкоторой степени объяснить немощь вліянія честной интеллигенціи на массы, поднятая гонодами Смердяковыми, на разнуданный, сокрушающій бунтъ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность губернскаго комиссара, Д. Д. Старлоchanовъ условился со мной, какъ предсѣдателемъ губернскаго комитета, объ объѣздѣ губерніи въ ближайшее время. Посѣщеніе мною иѣкоторыхъ уѣздныхъ и крупныхъ сель губерніи только усугубило въ моемъ представлениі картину административной перазберики, съ которой намъ приходилось считаться и до нено-

средственного ознакомленија съ положеніемъ на мѣстахъ. Кромѣ того посѣщеніе уѣздовъ обнаружило и старыя, наболѣвшія раны, внушавшія тревогу. Кое-гдѣ сильно обострились тренія между отрубщиками и общинниками, ровъ между которыми былъ въ свое время вырытъ не въ мѣру усердными проводниками на мѣстахъ Столыпинскаго закона о выходѣ изъ общины. Значительная часть отрубщиковъ, получивъ возможность продать укрѣпленную за ними землю и усадьбы, ноторопилась это сдѣлать и, издержавъ денежные знаки на простой разгуль или на неудачные попытки устроиться на Тургай, пополнила собой въ родныхъ сѣлахъ кадры деревенской бѣдноты, превратившейся затѣмъ въ «деревенскую бедноту» большевиковъ. Развуздавное поведеніе и тяготы призрѣнія этого сельского люмпена отражались на обостревшомъ и безъ того отношеніи общинниковъ къ отцепенцамъ сельского мѣра, тѣмъ болѣе, что заведенное креѣнкими отрубщиками хозяйство было куда лучше хозяйства общиннаго.

Въ дальнѣйшемъ это сулило много хлопотъ, что и оправдалось при возникновеніи земельныхъ комитетовъ по закону Временнаго Правительства отъ 21 апрѣля 1917 г. Существовалъ въ губерніи и инородческий вопросъ. На территоріи Ставропольской губерніи въ 4 968 745 десятинъ насчитывалось около 1 500 000 десятинъ земли, принадлежащей калмыкамъ, трухменамъ и погайцамъ. На инородческой территоріи проживало по официальнымъ счѣтамъ около 74 000 душъ населенія, причемъ въ это число входили не только инородцы, но и пришлое русское населеніе, обитавшее на этой территоріи. Населеніе же губерніи къ 1917 г. составляло около 1 500 000 душъ. Такимъ образомъ, если даже взять преувеличенную цифру, въ 74 000 душъ инородческого населенія приходилось около 1 500 000 десятинъ земли, а на свыше, чѣмъ миллионное креѣянское населеніе губерніи — около 3 500 000 десятинъ, включая сюда и частновладѣльческія земли. Такое неравномѣрное распределеніе земельнаго фонда между инородческимъ и русскимъ населеніемъ не могло не питать возрастающихъ вожделѣній русскаго населенія на инородческую землю, причемъ, естественно, наиболѣе зарились на этотъ земельный каравай креѣяне ближайшихъ къ инородческой территоріи уѣздовъ и особенно сель, вкрашенныхъ въ эту территорію, какъ напримѣръ, громадное село-оазисъ среди Туркменской территоріи Арзгиръ съ населеніемъ свыше 30 000 жителей*. Внослѣдствіи большевики, утѣя эти вожделѣнія, взяли определенную линію на уничтоженіе «вольныхъ степныхъ народовъ» и въ значительной степени въ этомъ находить себѣ объясненіе то жестокое изувѣрство, которое было учленено въ 1918—19 г. г. большевиками надъ калмыками большедербетовскаго улуса.

Помимо натянутыхъ виѣшнихъ отношеній съ окружающимъ территорію русскимъ населеніемъ, наиболѣе количественно сильная туркменская народность поѣдалась внутренней распрай двухъ партій, создавшихъ два параллельные комитета и двухъ комиссаровъ, не признававшихъ другъ друга и готовыхъ от-

* Впрочемъ, кто только не зарился на эти земли? Покойный исторіографъ Ставропольской губерніи И. В. Бентковскій приводить въ своихъ трудахъ траги-комический эпизодъ, какъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, инородцы, распространявшие краевыми агентами, вадумали было выселиться изъ Россіи и всей своей массой двинулись къ берегу моря. Краевое начальство ноторопилось намѣтить къ раздачѣ сановникамъ латифундіи изъ аемельного фонда ушедшихъ, но инородцы раздумали и вернулись обратно. Проектъ распределенія ихъ аемель пришлось аннулировать и частично выполнить за счетъ земли русскаго креѣянскаго населенія. Въ библіотекѣ И. В. Бентковскаго имѣлся и списокъ владѣльцевъ-сановниковъ этой пожалованной аемли.

крыть другъ противъ друга враждебныя дѣйствія совмѣстно со своими сторонниками. Къ губернскому комиссару Д. Д. Старлочапову то и дѣло являлись депутаціи то одной, то другой туркменской группы съ самыми тяжкими обвиненіями своихъ противниковъ. Для примиренія ихъ былъ командированъ въ Лѣтнюю ставку — туркменскій центръ — помощникъ губернского комиссара Р. Р. Глиндзичъ. Въ его присутствіи происходилъ общетерриториальный туркменскій сходъ, на которомъ голоса подсчитывались чуть-ли не по способу, описанному въ «Анабазисѣ» Ксенофона. Впослѣдствіи террорія степныхъ народовъ была объединена по закону Временного Правительства единымъ хозяйственнымъ органомъ, по типу губернской земской управы, а на мѣстахъ были организованы, по типу уѣзднаго земства, улусныя или уѣздныя хозяйственныя управленія для каждой народности. Но при введеніи органовъ административной юстиціи законодатель забылъ о существованіи этихъ инородческихъ управъ и не удѣлилъ имъ административныхъ судей. Лишь въ августѣ 1917 г., послѣ указанія мною въ министерствѣ юстиціи И. Д. Мордухай-Болтовскому на этотъ дефектъ закона, было издано особое постановление, коимъ инородческія терроріи были отнесены къ сферѣ компетенціи административныхъ судей ближайшихъ уѣзовъ.

Пополненное представителями служащихъ и демократическихъ организаций, уѣздное земство все же попрежнему оставалось непопулярнымъ въ губерніи. Объяснялось это, помимо грѣховъ молодости первоизбранныхъ земцевъ, дефектомъ самого закона, установившаго для активнаго и пассивнаго права высокой земельный цензъ, побоявшагося создать всесословную волость и ввести волостное земство. Между тѣмъ, Ставропольская губернія съ сельскими населенными пунктами въ 20 и 30 тысячъ жителей, съ волостями, большую частью состоящими изъ одного населеннаго пункта, болѣе, чѣмъ другія губерніи, нуждалась въ созданіи всесословной волости и введеніи мелкой земской единицы. И первый же опытъ, пренебрегшаго этой назрѣвшей потребностью, закона 1913 года, даль самые неожиданные результаты вилоть до антиземского бунта и разгрома земскихъ школъ включительно. На мѣстахъ представители демократизованаго уѣзднаго земства сплошь и рядомъ обращались съ просьбой о замѣнѣ, гдѣ только можно, названія «земскій» словомъ «народный» и, такимъ образомъ, вместо земскихъ получились: «уѣздныя народныя управы», «народныя больницы» и т. д. Введший, паконецъ, волостное земство законъ Временного Правительства отъ 21 мая 1917 г. не успѣлъ завершить всей системы выборовъ ко временному захвату власти большевиками, а послѣдніе, считаясь съ непопулярностью земства въ губерніи, первымъ актомъ своего творчества провозгласили полное упраздненіе земства.

Въ силу обицѣй условий, стояль довольно остро въ губерніи и продовольственній вопросъ, породившій во второй половинѣ 1916 г. волну погромовъ въ г. Ставрополѣ и иѣкоторыхъ селахъ губерніи. Остроты этого положенія, въ силу исключительныхъ обицѣй условий, конечно, не могли смягчить продовольственные комитеты, введенные постановлениемъ Временного Правительства отъ 25 марта 1917 г.

На фонѣ всего этого путанаго положенія еще болѣе подчеркивалось выжидательно-лояльное отношение къ новой власти и проявляемая населеніемъ готовность прійти ей на помощь всемѣримъ содѣйствиемъ съ мѣстъ, но въ то же время не скрывалась тревога, сумѣть ли при такомъ положеніи новая власть удержать бразды правленія изъ своихъ рукахъ, стѣсняющихъся властствовать и предписывающихъ самодѣятельность на мѣстахъ во что бы то ни стало.

IV

Выступление мѣщанъ. «Трава Божья!». Ликвидациѣ этихъ беспорядковъ.

Первое серьезное испытание для губернской власти возникло въ апрѣлѣ 1917 г. Въ этомъ мѣсяцѣ ставропольской городской управой были объявлены торги на сѣнокосы съ земель городского самоуправления. Мѣщане, составляющіе около двухъ третей населенія гор. Ставрополя, по преимуществу огородники и мелкіе сельскіе хозяева, давно уже имѣли зубъ на городское самоуправление и особенно на городскую агрономію, развивавшую солидное собственное хозяйство съ показательными полями, опытными станціями и т. д. Въ послѣдніе годы передъ 1917 г. управа, въ поискахъ средствъ для покрытия все возраставшаго, въ связи съ войной и дороговизной, расходного бюджета, безъ отягченія населенія новыми сборами и налогами, послѣдовательно расширяла площадь непосредственно ею эксплуатируемыхъ городскихъ угодий, сокращая тѣмъ самымъ количество угодий, сдаваемыхъ въ эксплуатацию частнымъ лицамъ. Управа завела собственный обозъ, лѣсосѣки, улучшила и увеличила травосѣяніе на лугахъ. Покосы съ этихъ луговъ, при существующихъ высокихъ цѣнахъ на сѣло, являлись особой приманкой для городскихъ мѣщанъ, но, когда они ознакомились съ количествомъ земли, сдаваемой подъ покосъ частнымъ лицамъ въ этомъ году, надежды ихъ на хороший заработокъ были разрушены. Свообразно «социалисты» поспѣшили использовать это недовольство, разъясняя мѣщанамъ, что земля Божья, а, стало быть, и трава тоже Божья, и торговъ на нее допускать нельзя.

Въ день торговъ къ зданію городской управы явилась тысячная толпа мѣщанъ, опрокинула столъ, за которымъ членъ управы производилъ торги и, ворвавшись въ помѣщеніе управы, угрожала разгромить его, а составъ управы выбросить со второго этажа внизъ, если торги не будутъ отменены и сѣнокосы не будутъ мѣщанамъ отданы безвозмездно. Тщетно городской голова заявлялъ, что безъ разрешенія этого вопроса городской думой, въ которой мѣщане имѣютъ своихъ представителей, управа, какъ подчиненный думѣ органъ, поступить такъ не властна и что вопросъ этотъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе экстреннаго засѣданія думы. Мало слушали разбушевавшіеся мѣщане и прибывшаго въ управу губернского комиссара, указывавшаго мѣщанамъ на всю безтолковость и безразсудность ихъ дѣйствій и предлагавшаго взамѣнъ дѣйствія скопомъ изложить черезъ своихъ представителей въ гор. думѣ свои требования. Въ отвѣтъ на это мѣщане заявили, что они пришлютъ своихъ представителей въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ и тамъ «объявятъ свою волю».

Въ тотъ же вечеръ состоялось соединенное засѣданіе исполнительныхъ комитетовъ, городской управы и многочисленныхъ представителей отъ мѣщанъ. Послѣдніе, большинство изъ которыхъ явились въ нетрезвомъ видѣ, держали себя вызывающе, заявляя, что «теперь ихъ сила», что торговъ они все равно не допустятъ, что всѣ затѣи управы только барская блажь и что «по народному праву» теперь падлежитъ подѣлить между мѣщанами и городскія земли, и обозъ, и все остальное, что принадлежитъ городу. Въ концѣ концовъ, все же они согласились представить всѣ эти соображенія экстренному засѣданію городской думы, которое должно быть созвано въ ближайшіе же дни.

— Только все равно будетъ по нашему. Никакихъ торговъ мы не допустимъ,
— заявили, расходясь, мѣщане.

По настоянію президіума комітета общественности, поддержаному представителями и другихъ организаций до совдеповъ включительно, рѣшено было использовать этотъ эпизодъ для примѣненія самого рѣшительного отпора до примѣненія вооруженной силы включительно, если это понадобится. Въ вечеръ думскаго засѣданія къ помѣщенію городской думы была вытребована воинская часть и къ концу засѣданія части ся были введены въ коридоры и помѣщенія, соединя съ думской залой.

Выслушавъ требованія мѣщанъ, дума подтвердила свое прежнее постановление о сдачѣ сѣнокосовъ съ торговъ, а затѣмъ предсѣдатель губернского комитета обратился къ мѣщанамъ съ указаніемъ, что никакія насильственныя дѣйствія властью допущены не будуть, и власть не остановится передъ примѣненіемъ силы оружія противъ попытки произвести это насилие. Если мѣщане хотятъ убѣдиться, что такая сила имѣется въ распоряженіи власти, то благоволять взглянуть на думскую площадь и соединя залъ коридоры. Затѣмъ были оглашены правила дѣйствій воинской силы при вызовѣ ея гражданской властью. Мѣщане послѣ этого перемѣнили тонъ и новыхъ попытокъ къ насильственному воздействію на городскую управу уже не дѣлали.

Слѣдуетъ добавить, что большевики, захвативъ власть въ январѣ 1918 г., и первымъ своимъ актомъ упразднивъ земство, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего властовданія не рѣшались наложить руку на городское самоуправлениe, отказавшееся признать ихъ власть, и только въ концѣ марта 1918 г. постановили низложить городскую думу. Но обѣ этомъ будетъ подробно сказано ниже.

V

Первое выступленіе большевиковъ. Отзвуки юльской попытки захватить власть въ Петербургѣ. Провалъ большевиковъ.

Впервые мѣстные большевики обнаружили свое существование въ дни реализаціи «займа свободы», выступая въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ съ призывомъ «не давать ни конейки министрамъ-при信赖никамъ буржуазіи и имперіалистовъ». Но выступленія эти имѣли результатъ, повидимому, противоположный желаниямъ большевиковъ, ибо пожертвованія золота и серебра протекало усиѣшно, продажа билетовъ займа шла такъ же усиѣшно, молодымъ же адептамъ большевизма пришлось выслушать столько испирятныхъ заявлений по своему адресу со стороны пропагандируемыхъ ими слушателей, что временами выбираться изъ труднаго положенія имъ помогала милиція.

Но имѣли никакого успѣха и ихъ выступленія въ губернскомъ комитетѣ и въ совѣтахъ, которые къ этому времени слились въ одинъ «всесословный» совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и мѣщанскихъ депутатовъ.

Во главѣ организаціи мѣстныхъ большевиковъ стоялъ завѣдующій отдѣломъ статистики губернскай земской управы, человѣкъ съ недюжинными способностями, юристъ по образованію, А. А. Попомаревъ, надѣленный исключительно желчнымъ и неуживчивымъ характеромъ. Самъ онъ до поры до времени не выступалъ публично съ прообразомъ большевизма и ограничивался тѣмъ, что руководилъ небольшой группой молодежи, самоотверженно принимавшей на себя удары неудачъ отъ этихъ выступлений.

Чаще всего выступала только что окончившая местную гимназию Марія Вальяно, дочь прогорѣвшаго миллионара, миловидная девушка съ тяжелой, чуть не до земли, косой, съ груднымъ, подкупающимъ тембра, голосомъ. Рѣчи свои она обычно заканчивала словами: «выливая воду изъ ванны, бойтесь вмѣстѣ съ водою выплеснуть и ребенка» и, надо признаться, слушатели всегда съ нетерпѣніемъ ожидали этихъ словъ, встрѣчая ихъ аплодисментами, или иногда перебивая затянувшуюся рѣчь Вальяно вопросомъ: «а скоро ли будетъ насчетъ ребенка?» Впослѣдствіи въ первомъ совѣткомѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ А. А. Пономаревъ, Вальяно заняла постъ комиссара народного образования.

Болѣе организованы мѣстные большевики выступили послѣ юльской попытки петербургскихъ большевиковъ захватить власть, когда обѣ этомъ дошли вѣсти до Ставрополя. Выступали они въ мѣстномъ совѣтѣ, при чёмъ очереднымъ ораторомъ отъ большевиковъ былъ па этотъ разъ молодой инженеръ-путеецъ Толстовъ, впослѣдствіи, послѣ отсрочки большевиками созыва учредительного собрания, отрекшійся отъ партіи. Свою рѣчь Толстовъ построилъ на положеніи, что Христосъ былъ первымъ коммунистомъ, и, аргументируя многочисленными ссылками на текстъ евангелія, доказывалъ, что, ужъ если говорить о власти, «нѣсть-бо, аще не отъ Бога», то это именно и есть власть совѣтовъ, къ которой стремятся большевики.

Въ отвѣтъ на это одинъ изъ послѣдующихъ ораторовъ доставилъ большевикамъ нѣсколько огорчительныхъ минутъ. — «Аргументируйте, товарищъ, не отъ Бога, а отъ сатаны, — началъ онъ при общемъ смѣхѣ аудиторіи. — Помните ли вы, какъ передъ истомленнымъ голodomъ Христомъ предсталъ въ пустынѣ отецъ современной провокациіи — дьяволъ? Зачѣмъ Ты голодаешь, — сказалъ Христу искушатель, — стоитъ Тебѣ претворить только эти камни въ хлѣбъ и Ты будешь сытъ. Затѣмъ искушатель повелъ Христа на высоту храма и предложилъ оттуда броситься внизъ и, возведя, наконецъ, на высокую скалу показалъ Христу всѣ царства міра и славу ихъ и сказалъ: «все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ!» Къ истомленному войной и лишеніями народу съ такими же словами искушенія приходите и вы, большевики: «ты голоденъ — это пустяки, мы вмѣстѣ претворимъ камни въ хлѣбъ и ты будешь сытъ! Затѣмъ вы ведете народъ къ пропасти, предлагая броситься внизъ и, показывая на царства и славу ихъ, обѣщаєте всю власть народу, лишь бы онъ, падши, поклонился большевикамъ. Но еще живъ Христосъ въ душѣ народа, и народъ отвѣтить вамъ, искушающимъ его слабость, словами Христа: отойди отъ меня, сатана!»

Затянувшееся далеко за полночь засѣданіе совѣта было очень бурнымъ, но при голосованіи большевики, мобилизовавшиѣ всѣ свои наличныя силы до мертвыхъ душъ включительно, собрали едва-едва десятую часть голосовъ у присутствовавшихъ на засѣданіи. Черезъ нѣсколько дней, когда, въ связи съ петербургской попыткой захвата власти, въ мѣстныхъ «извѣстіяхъ» комитета былъ опубликованъ текстъ постановленія Временного Правительства о карахъ за такія попытки и газета выступила съ рѣзкой статьей противъ большевиковъ, представители ихъ съ А. А. Пономаревымъ во главѣ явились въ губернскій комитетъ съ просьбой оградить ихъ отъ возможныхъ насилий на улицѣ, причемъ А. А. Пономаревъ, ссылаясь на нападки газеты, угрожалъ жаловаться въ Петербургъ «самому товарищу Керенскому».

Въ губерніи, пасчитывающей лишь около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей заводскихъ рабочихъ на почти $1\frac{1}{2}$ миллиона крестьянского населения, изъ коего лишь 10% составляли иогородніе, конечно, трудно было

большевикамъ говорить о диктатурѣ пролетаріата и нашупать своею проповѣдью базу, на которую они могли бы опереться. Еще болѣе они это поняли послѣ жестокаго провала на выборахъ въ Учредительное Собраніе, но тѣмъ не менѣе своей проповѣди, при всей ея безуспѣшности, не оставили и дождались наконецъ момента, когда имъ пришли на помощь покинувшіе фронтъ штыки 39-й дивизіи.

VI

Петербургскій съездъ комиссаровъ Врем. Правительства. Обмѣнъ впечатлѣніями въ пути. Предварительное совѣщеніе. На съездѣ. Перемѣны въ министерствѣ. Отповѣдь А. С. Заруднаго.

Въ первыхъ числахъ августа 1917 г. комитетомъ было получено телеграфное приглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ прислать своего представителя на созываемый въ Петербургѣ съездъ общественныхъ организаций и комиссаровъ Временного Правительства. Губернскій комитетъ уполномочилъ участвовать въ съездѣ меня, какъ пресѣдателя комитета, въ качествѣ же представителя губернскаго комиссара выѣхалъ его помощникъ Р. Р. Глиндзичъ.

На станціи Кавказской, стоящей на магистрали Владикавказской желѣзной дороги, мы попали въ вагонъ, гдѣ уже находились представители, если память не измѣняется, — отъ Асхабада графъ Доррерь, отъ Терека и Дагестана докторъ Далгать и инженеръ Тсмирхановъ. По мѣрѣ продвиженія на сѣверъ къ намъ присоединялись представители отъ Кубани, Черноморья, Дона и т. д.

Естественно, всѣ разговоры вращались вокругъ предстоящаго съезда, недавно возстанія большевиковъ, взятаго правительствомъ курса и положенія на мѣстахъ. Въ этихъ бесѣдахъ, пересыпанныхъ ссылками на административные курьезы, проскальзывала общая неудовлетворенность создавшимся положеніемъ и тревога за завтрашний день.

Въ вѣдомствѣ внутреннихъ дѣлъ послѣ ухода кн. Г. Е. Львова въ этотъ моментъ было междуцарствіе и обязанности министра внутреннихъ дѣлъ временно несъ И. Г. Церетели, сверхъ прямыхъ его обязанностей по вѣдомству почты и телеграфовъ. Пребываніе его во главѣ вѣдомства ви. дѣлъ было обильно весьма строгими циркулярами и распоряженіями на имя губернскихъ комиссаровъ, седактированными иной разъ въ выраженіяхъ, далеко оставлявшихъ за собой суровый стиль дореволюціонныхъ министровъ. Но циркуляры и распоряженія эти такъ мало были согласованы одно съ другимъ и нерѣдко полемизировали между собою, что комиссарамъ отъ этого было не легче. Рядомъ съ этимъ все болыше силы забирали министерство земледѣлія, издававшее, случалось, въ инструкціонномъ порядке весьма чреатые послѣдствіями законы, не проводившіе даже черезъ коллегію министровъ. Въ такомъ порядке, напримѣръ, была издана инструкція дѣятельности земельныхъ комитетовъ, и власть на мѣстахъ была поставлена въ затруднительное положеніе, считать ли она рабочую на инструкцію дѣятельность земельныхъ комитетовъ подзаконный или попросту явочнымъ актомъ «революціонного правосознанія», по позднѣйшей терминологии большевиковъ. Слѣдуетъ добавить, что уполномоченные главного земельного комитета на мѣстахъ назначались иногда единственно по признаку принадлежности къ партии с.-р., безъ предварительной сираки, насколько они подготовлены для руководства на мѣстахъ мѣро-

пріятіями правительства по земельному дѣлу и насколько, хотя бы, авторитетны въ глазахъ населенія въ такомъ, чреватомъ иносѣдствіями и запутанномъ, вопросѣ. Въ Ставропольской губерніи, напримѣръ, уполномоченнымъ главаго земельного комитета былъ назначенъ зубной врачъ, обремененный профессіональной практикой въ городѣ и, въ силу уже хотя бы этого, едва ли имѣвшій возможность выѣзжать за черту города до назначенія уполномоченнымъ. Положеніе такого уполномоченного, при всей остротѣ земельныхъ дѣлъ, было не мало затруднительнымъ, но не менѣе, если не болѣе, было затруднительно положеніе власти при существованіи такого уполномоченного.

На предварительномъ совѣщаніи съѣхавшихъ представителей, неудовлетворенность существующимъ положеніемъ выявилаась еще рѣзче, но, въ виду сравнительной малочисленности присутствовавшихъ на немъ, никакихъ точекъ надъ «і» для совмѣстнаго поведенія на съѣздѣ поставлено не было и было принято только къ свѣдѣнію заявленіе кадетской группы, что отъ имени ея съ программной рѣчью на съѣздѣ поручено выступить Н. М. Кишкину, занимавшему тогда генералъ-губернаторскій постъ Московскаго комиссара. На этомъ же совѣщаніи мы узнали, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Н. Д. Авксентьевъ и что главнымъ предметомъ занятій съѣзда будетъ обсужденіе проекта губернскихъ учрежденій и организаціи милиціи.

Съѣздъ былъ открытъ въ помѣщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ новымъ министромъ Н. Д. Авксентьевымъ, произнесшимъ подкупающую своею искренностью и порывомъ программную рѣчь о необходимости яснаго государственного пути въ это колеблющееся время и о неизбѣжномъ поворотѣ власти въ сторону отъ разлагающаго вліянія демагоговъ. Во время рѣчи Н. Д. Авксентьева въ залу вошелъ быстрой походкой А. Ф. Керенскій, занялъ мѣсто рядомъ съ г. Авксентьевымъ. Видъ у него былъ совершенно болыго человѣка съ землистаго цвѣта лицомъ, тяжелыми, точно набухшими отъ безсонныхъ ночей, вѣками. Сидѣлъ онъ въ неподвижной позѣ уставшаго человѣка съ опущенными внизъ вѣками, точно дремалъ. Выждавъ конца рѣчи Н. Д. Авксентьева, онъ отрывистыми рѣзкими бросками фразъ привѣтствовалъ съѣздъ и затѣмъ въ пространной рѣчи повторилъ мысли Н. Д. Авксентьева о необходимости твердаго курса власти, добавивъ, что власть не остановится, передъ неизбѣжностью перейти къ «крови и желѣзу», если революція превратится въ «буинъ рабовъ». По-видимому, обѣ рѣчи и Н. Д. Авксентьева, и А. Ф. Керенскаго произвели свое впечатлѣніе и выступившій съ отвѣтомъ Н. М. Кишкинъ кратко указалъ, что группа представителей уполномочила его привѣтствовать правительство и заявить о всемѣрномъ содѣйствіи власти, берущей правильный государственный курсъ. Только выступленіе, если не измѣняетъ память, исковскаго комиссара г. Булатова пробило брешь въ этомъ парадномъ обмѣнѣ любезностями и черезъ эту брешь и въ этомъ засѣданіи, и въ послѣдующихъ, вылилась вся, привезенная съ мѣстъ, неудовлетворенность прежнимъ курсомъ правительства. Смыслъ большинства рѣчей сводился къ тому, что нельзя сидѣть между двухъ стульевъ и власть должна властвовать, а не быть маріонеткой въ рукахъ параллельно дѣйствующихъ съ властью организацій, заставляющихъ власть идти зигзагами.

Слѣдующія засѣданія съѣзда уже происходили въ помѣщеніи Петербургской думы и главнымъ предметомъ ихъ занятій были выработанные министерствомъ проекты учрежденія должности губернскаго и уѣздныхъ комиссаровъ и организаціи милиціи. Слѣдуетъ отмѣтить, что правильности теченія этихъ запятій въ значительной степени мѣшало то обстоятельство, что произошедшія отчасти на-

канувъ, отчасти уже во время занятій съѣзда перемѣны въ составѣ высшихъ членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ создавали затруднительное положеніе для новыхъ лицъ, а старые докладчики по проекту либо ушли, либо не вплюнѣ еще были освѣдомлены, въ какой мѣрѣ высшіе чины министерства раздѣляютъ положеніе проекта, а по нѣкоторымъ проектамъ долго не могло выясниться, кто же будетъ защищать эти проекты передъ съѣздомъ.

Выработанный министерствомъ проектъ надѣлялъ губернского комиссара почти всѣми прерогативами прежней губернаторской власти, по съ изъятіемъ изъ подчиненія ему милиціи, которая въ городахъ подчинялась городской управѣ, въ уѣздахъ — уѣзданой земской управѣ и объединяла это подчиненіе милиціи губернская земская управа. Этому проекту противопоставлялся проектъ, выработанный Петербургскимъ совѣтомъ депутатовъ, отличие котораго отъ министерского проекта заключалось въ томъ, что административное управление ввѣрялось коллегіальнымъ земскимъ и городскимъ органамъ, подзаконность дѣятельности которыхъ ввѣрялась контролю особаго административнаго прокурора, являющагося окомъ закона и правительства на мѣстахъ. Этотъ послѣдній проектъ защищался на съѣздѣ, если не ошибаюсь, членомъ совѣта г. Шапиро.

Уѣздиные комиссары, по мысли министерского проекта являлись маленькими губернаторами на своей территории, объединяющими вокругъ себя дѣятельность административныхъ уѣздиныхъ учрежденій, за исключениемъ уѣзданой милиціи.

Съ небольшими поправками былъ принятъ министерскій проектъ, при чмъ, какъ при обсужденіи этого проекта, такъ и проекта организаціи милиціи больше всего возраженій высказывалось противъ изъятія изъ вѣдѣнія администраціи милиціи и передачи ея въ вѣдѣніе самоуправлений. Какъ предсказывалось на съѣздѣ, это обезсиленіе администраціи на мѣстахъ, обезсилить и разложить составъ милиціи. Дѣйствительность въ значительной степени эти опасенія оправдала и едва ли теперь можно сомнѣваться, насколько грубой ошибкой явилось тогда принятие этого подчиненія милиціи. Въ качествѣ прокурора миѣ пришлось наблюдать необычайную распущенность милиціи, особенно проявившуюся въ эпизодѣ съ самосудомъ въ гор. Ставрополѣ толпы надѣ арестованными, тутъ же, у помѣщенія милиціи, и при этомъ не только при попустительствѣ, но и прямомъ содѣйствіи чиновъ милиціи. Надо замѣтить, что во главѣ городской милиціи стояло лицо съ юридическимъ образованіемъ, исполнявшее не разъ обязанности товарища прокурора, но порядки при этомъ начальникъ въ милиціи заставляли вспоминать, какъ пѣчто лучшее, худшія времена дореформенной полиціи.

Какъ я указывалъ, работамъ съѣзда предшествовали перемѣны въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новые товарищи министра, къ которымъ приходилось обращаться по цѣлому ряду вопросовъ привезенныхъ съ мѣстъ, большую частью откровенно заявляли, что они еще недостаточно оріентировались въ обстановкѣ и советовали разрѣшать эти вопросы на мѣстахъ по своему крайнему разумѣнію. И здѣсь повторился тотъ же прежний призывъ къ самодѣятельности на мѣстахъ и измѣчалось неизбѣжно идущее банкротство власти, о чмъ такъ много говорилось на съѣздѣ и противъ чего обѣщана была борьба въ рѣчахъ И. Д. Аксентьева и А. Ф. Керенскаго. Это отсутствіе вѣры въ будущее, а также объявленій на 12 августа 1917 г. созывъ государственного совѣщанія въ Москвѣ охладили и скомкали послѣднія засѣданія съѣзда и создали впечатлѣніе неоправдавшихся надеждъ у большинства участниковъ съѣзда.

Кромѣ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ на съѣздѣ выступали министръ продовольствія А. М. Ильинсковъ и только что

назначенный министромъ юстиції А. С. Зарудный. Ождалось выступление министра земледѣлія В. М. Чернова, по оно почему то не состоялось. А. С. Зарудный выступалъ, давая отвѣтъ на рядъ упрековъ, брошенныхъ министерству, въ сохраненіи на мѣстахъ прежнихъ чиновъ магистратуры и прокуратуры. Если не ошибаюсь наиболѣе рѣзкія заявленія были сдѣланы представителями Астрахани и Витебска. Отвѣчая на эти упреки и на заданный вопросъ, какъ обстоитъ дѣло съ временной пріостановкой несмѣняемости, А. С. Зарудный заявилъ, что отъ своего отца, одного изъ дѣятелей по составленію судебныхъ уставовъ 1864 г., онъ унаслѣдовалъ уваженіе къ этому памятнику судебной реформы и до конца дней своихъ будетъ свято чтить основы, положенные въ этотъ кодексъ. Онъ всегда былъ и будетъ сторонникомъ принципа несмѣняемости судей, къ счастью восторжествовавшаго и на недавнемъ совѣщаніи представителей судебнаго вѣдомства и адвокатуры, и считаетъ недопустимымъ разрушать основу зданія уставовъ изъ-за нѣсколькихъ грѣшниковъ. Грѣшники вездѣ могутъ быть, но не надо увлекаться обобщеніемъ обвинений. Какъ никакъ, — говорилъ А. С. Зарудный, судебное вѣдомство сохранило въ своихъ рядахъ, благодаря тому же принципу несмѣняемости, подавляющей процентъ безупречныхъ работниковъ, репутацію которыхъ не могутъ подорвать нѣсколько исключений. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. С. Зарудный обѣщалъ приложить всѣ мѣры къ очищенію вѣдомства, но въ формѣ, предписываемой закономъ.

Выступленіе А. С. Зарудного происходило въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій и вскорѣ послѣ этого участники сѣзда начали разѣзжаться.

VII

Государственное совѣщаніе въ Москвѣ. Въ купѣ съ В. М. Пуришкевичемъ. Забастовка передъ совѣщаніемъ. Общая ситуация. Въ кругу казаковъ. Кулисы совѣщанія. Впечатлѣнія.

Для отѣзжающихъ изъ Петербурга участниковъ Московскаго совѣщанія было назначено нѣсколько особыхъ поѣздовъ, отходящихъ одинъ за другимъ. Войдя въ назначенное мнѣ купѣ, я засталъ уже тамъ незнакомаго мнѣ господина, раскладывающаго у окна квадратные точки. На одномъ изъ нихъ лежала стопка брошюръ съ крупно отпечатаннымъ заглавіемъ: «отъ трехцвѣтнаго къ двухцвѣтному знамени». Когда я утромъ проснулся, мой спутникъ стоялъ у раскрытаго окна и время отъ времени разбрасывалъ, доставая изъ вскрытаго точка эту брошюру, когда поѣздъ пробѣгалъ мимо движущихся вдоль полотна дороги крестьянъ. Я попросилъ у незнакомца одинъ экземпляръ брошюры и, когда онъ съ улыбкой передалъ ее мнѣ, я прочелъ на послѣдней страницѣ подпись «В. М. Пуришкевичъ». Вглядѣвшись въ незнакомца, я не могъ не признать въ немъ подлиннаго автора брошюры съ его характерными чертами перво подвижнаго лица. Въ брошюре этой, написанной въ неожиданно сдержаныхъ тонахъ, обратили вниманіе мое, между прочимъ, слѣдующія строки. Характеризуя движущія силы, изъ которыхъ слагается революція, г. Пуришкевичъ подраздѣляетъ ихъ на группы, куда входятъ фанатики и начетчики программы, готовые пріобрѣсти торжество программаго пункта цѣнной гибели цѣлаго міра, затѣмъ идетъ послушная масса, лица, которымъ совершенно безразлично, въ какой

защитный цветъ ни перекраситься, готовая служить любому режиму, лишь бы отъ нихъ не ушли привычныя блага и т. д. Но есть люди, говорить авторъ, кристально честные и чистые, проникнутые порывомъ самоотверженности, отдающіе всего себя служенію народу и родинѣ. Къ послѣднимъ авторъ относилъ А. Ф. Керенскаго и И. Г. Церетели. Я долго хранилъ эту брошюру, какъ своего рода «увинку», пока она не погибла вмѣстѣ съ моей библиотекой при разгромѣ моей квартиры большевиками, и очень сожалѣлъ, что у меня не было ея подъ руками, когда выступавшій въ 1919 г. съ публичнымъ докладомъ въ Ставрополѣ В. М. Пуришкевичъ уже не иначе называлъ А. Ф. Керенскаго, какъ Аарономъ Кирбасомъ и призывалъ на его голову всѣ проклятія міра.

По пріѣздѣ въ Москву, участниковъ совѣщанія встрѣтила прежде всего забастовка, охватившая городскія предпріятія, трамваи и крупные заводы, вопреки рѣшенію Московскаго совѣта. Носились слухи о возможности насильственнаго срыва совѣщанія, о возможности вооруженной демонстраціи рабочихъ массъ, подобной тому, которая подготовлялась большевиками противъ первого съѣзда совѣтовъ 10 іюня и была тогда предотвращена, но вылилась затѣмъ въ большевистскомъ восстаніи 3—5 іюля въ Петербургѣ. Эта забастовка, вопреки рѣшенію московскаго совѣта, въ моментъ совѣщанія, созданного «правительствомъ спасенія революціи», получившимъ 10 іюля 1917 г. полномочія диктаторской власти отъ Ц. И. К., только лишній разъ напоминала о тѣхъ двухъ трещинахъ, которые разrostались въ пропасти слѣва и справа передъ коалиціоннымъ, по своему составу, правительствомъ и дѣлали вождей демократическихъ организацій оторванными отъ массы, а правительство оторваннымъ и отъ будирующей демократіи, и отъ будирующей буржуазіи.

Лѣвая демократія не признавала замѣны обѣщаніаго послѣ юльскаго восстанія совѣщанія совѣтовъ всероссійскимъ совѣщаніемъ, на которомъ, по выражению А. Ф. Керенскаго, — «должны быть представлены всѣ живыя силы страны». Не признавала эта лѣвая часть, выступавшая по зову большевиковъ во время восстанія 3—5 іюля въ Петербургѣ со знаменами «вся власть союзтамъ», формальнаго отказа центральнаго органа совѣтовъ отъ вліянія на власть правительства и игнорировала полученный послѣднимъ диктаторскія полномочія.

Съ другой стороны развалъ, происходивший на фронѣ, кіевская капитуляція Временнаго Правительства передъ Украинской радой, земельныя мѣропріятія «селянскаго министра» Чернова, промышленная политика углубляли трещину, идущую отъ Временнаго Правительства справа.

Созывая государственное совѣщеніе, правительство разсчитывало перебросить мостки черезъ эти трещины и уже, быть можетъ, не столько ради «спасенія революціи», сколько ради спасенія Россіи, ибо со дня на день ожидалось паденіе Риги и прорывъ фронта; правительство надѣялось получить поддержку отъ всѣхъ «живыхъ силъ страны», оторвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ массы отъ крѣпнувшего вліянія большевизма. Но и въ самомъ составѣ правительства и даже въ соціалистическомъ крылѣ его не только не было единенія, но шла внутренняя расширя, принимавшая иногда острыя формы. Выше я указывалъ, насколько автономія отъ Вр. Правительства была земельная политика В. М. Чернова и дѣйствующихъ по его вѣдомству земельныхъ комитетовъ. Съ одной стороны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признаются недопустимыми попытки самочиннаго осуществленія до Учредительнаго Собрания земельной реформы на мѣстахъ рѣшений мѣстныхъ комитетовъ и крестьянскихъ съѣздовъ, предписывается комиссарамъ на мѣстахъ всѣми мѣрами бороться противъ самочиннаго распределенія чужихъ угодій, захвата, запашекъ

и засѣва чужихъ полей*, не остававшись, какъ это было впослѣдствіи въ министерство Н. Д. Авксентьевъ, предъ арестомъ членовъ земельныхъ комитетовъ, а рядомъ съ этимъ главный земельный комитетъ автономио устанавливаетъ переходъ въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ всѣхъ земель сельско-хозяйственного пользованія, водъ и лѣсныхъ угодій, возлагая на комитеты упорядоченіе земельныхъ отношеній.

Послѣ декларативнаго выступленія правительства по открытіи совѣщанія и привѣтственной рѣчи Московскаго гор. головы В. В. Руднева, былъ объявленъ перерывъ, въ теченіи котораго должно было произойти распределеніе времени и очереди для рѣчей участниковъ совѣщанія, и группировки членовъ совѣщанія для выступленій съ соотвѣтствующими декларациами. Въ часы этихъ предварительныхъ групповыхъ совѣщаній, аудиторіи университета, помѣщенія общежитій для участниковъ совѣщанія и просторныя залы иныхъ помѣщений были лабораторіей предварительныхъ длинныхъ разговоровъ и сговора между отдѣльными группами и объединеніями ихъ. Здѣсь шла борьба между лѣвымъ и правымъ течениемъ демократіи, то-есть большевиками, меньшевиками-интернационалистами и лѣвыми с.-р., съ одной стороны, и приверженными правительству меньшевиками и умѣренными с.-р., съ другой. Въ одной изъ аудиторій выступилъ Ю. Мартовъ съ длинною сухой, какъ надтреснутое дерево, рѣчью, предлагающей демократіи изолироваться и отъ умѣренного крыла ея, и отъ буржуазіи, отчего она, по мнѣнію говорившаго, выиграетъ только въ сплоченности и силѣ. Истощенный, худой аскетъ, съ болѣзнетою онущенными вѣками глазъ, съ покосившейся на сторону фігурой, говорившій слабымъ глухимъ голосомъ, г. Мартовъ и своимъ виѣшимъ видомъ, и выходившимъ изъ него словами производилъ впечатлѣніе типичнаго доктрина-фанатика, только-только вышедшаго изъ эмигрантскаго подполья, еще щурящагося отъ свѣта и не испытывающаго потребности пріоткрыть свои полуутешенные глаза. Въ противовѣсъ предлагавшимся имъ тезисамъ были припяты примиренческіе тезисы, средактировать которые для общей декларации демократическихъ организацій поручено было, если память не изменяетъ, г. Дану. Тезисы декларации этой, оглашеннай на государственномъ совѣщаніи, пылко и не безуспѣшио защищались И. Г. Церетели **.

Получивъ по пріѣздѣ въ Москву койку въ помѣщеніи клуба на Б. Дмитровкѣ, отведенного подъ общежитіе казаковъ, сбѣдала вмѣстѣ съ ними за общимъ столомъ, какъ ближайшій сосѣдъ по представляемой мною территоріи, я былъ участникомъ ихъ общихъ разговоровъ, вращавшихся главнымъ образомъ вокругъ вырабатываемаго всѣмъ казачествомъ соглашенія, получившимъ затѣмъ выраженіе въ декларации, оглашеннай на государственномъ совѣщаніи ген. А. М. Калединъ. Выработка этого соглашенія протекала вначалѣ, судя по этимъ разговорамъ, не безъ трепѣй и не безъ потери времени на длительные дебаты, но въ концѣ концовъ привела представителей отдѣльныхъ казачествъ къ единому выступленію на совѣщаніи съ ихъ общей декларацией. Донской атаманъ А. М. Калединъ помѣщался тутъ же въ полукругломъ залѣ. Казаки оказывали ему исключительные знаки вниманія, вставая при появленіи его величавой фигуры, внимательно выслушивая его мнѣнія. Было совершенно ясно, что ген. Калединъ, а не кто иной, выступить отъ имени объединеннаго казачества на совѣ-

* Изъ циркуляровъ И. Г. Церетели по м. в. д.

** Къ декларации этой присоединились представители совѣтовъ и армейскихъ организацій, городскихъ думъ, кооперативовъ и т. д.

щавіч и станетъ во главѣ казачества и въѣтъ стѣнъ Большого Московскаго Театра. Кто могъ думать, что тотъ же А. М. Калединъ падеть одной изъ первыхъ жертвъ нестроенія казачества и хоть въ малой мѣрѣ, но будетъ правъ есаулъ Ногаевъ, рискувши возражать и опровергать ген. Каледина послѣ его импозантнаго выступленія на государственномъ совѣщаніи, доказывая, что лѣвое казачество не пойдетъ ни за ген. Каледивымъ, ни за тѣми, кого онъ объединяетъ?

Послѣ перерыва, совѣщаніе открылось красивой, отчеканеной рѣчью В. Д. Набокова, говорившаго въ качествѣ представителя Государственной Думы первого созыва. Въ противоположность ему, вызвалъ недоумѣніе присутствующихъ предсѣдатель второй Гос. Думы Ф. А. Головинъ, напомнившій въ началѣ своей рѣчи обращеніе П. А. Столыпина къ Гос. Думѣ со словами «не запугаете» и повторившій эти слова передъ аудиторіей Большого Театра. Кого собственно имѣлъ Ф. А. Головинъ въ виду, такъ и осталось неяснымъ изъ всего послѣдующаго смысла его рѣчи. Выступленіе предсѣдателя третьей Гос. Думы А. И. Гучкова было про-викнуто желчию раздражительностью противъ лицъ, стоящихъ у власти, точно китайскія тѣни, движущихся и жестикулирующихъ, но являющихся миражемъ власти. И. Г. Церетели, полемизируя въ своей рѣчи съ А. И. Гучковымъ, задаль послѣднему вопросъ: чѣмъ онъ могъ бы объяснить, что, состоя военнымъ министромъ, А. И. не добился наступленія войскъ, между тѣмъ войска это сдѣлали, когда у власти были «китайскія тѣни?» Предсѣдатель четвертой Гос. Думы М. В. Родзянко, начавшій свою рѣчу съ сѣтованія, что ему предоставленъ недостаточный срокъ, такъ долго сѣтовалъ, что, когда хотѣлъ приступить къ оглашенію декларациіи Гос. Думы, предсѣдательствующій въ совѣщаніи напомнилъ ему, что предоставленный для его рѣчи срокъ уже истекъ. Въ отвѣтъ на раздавшіеся голоса о предоставлении нового срока А. Ф. Коренскій заявилъ, что своею властью онъ предоставляетъ «гражданамъ Родзянко» новый срокъ, но М. В. Родзянко использовать это предложеніе отказался и декларациія 4-ї Гос. Думы была оглашена кѣмъ-то другимъ. Такъ же непроизводительно было потрачено время П. П. Рябушинскимъ, занявшимся предварительно рѣчи отвинчиваніемъ абажура на трибунѣ.

Внимательно совѣщаніемъ была выслушана рѣча В. В. Шульгина, говорившаго тономъ юдкаго сарказма о человѣческихъ ошибкахъ. Бываютъ ошибки, — говорилъ онъ, — которые только дѣлаютъ честь ошибающемуся: такова ошибка Временнаго Правительства, декларировавшаго отмѣну смертной казни; бываютъ ошибки, которые простятся, но есть ошибки, которымъ неѣть прощенія. Такова ошибка правительства, — говорилъ В. В. Шульгинъ, имѣя въ виду условія соглашенія съ украинской радой отъ 30 июня, — когда, уподобляясь равнополному князю Владиміру, Временное Правительство рѣшило окрестить Малороссию въ украинскую вѣру. Не менѣе внимательно были выслушаны рѣчи П. И. Милюкова и В. А. Маклакова, не заключенные за истечениемъ срока, и И. Г. Церетели, явившагося главнымъ ораторомъ объединеній умѣренной демократіи. Казалось, своимъ двукратнымъ выступленіемъ, прилизавшимъ буржуазію къ «честной коалиціи», онъ пробилъ ледъ на правыхъ скамьяхъ и его пропланутая рука встрѣтила отвѣтное рукоюжатіе представителя промышленной Москвы г. Бубликова.

Тѣмъ временемъ Москва съ небывалыми почестями встрѣчала и чествовала только что прибывшаго съ фронта Верховнаго Главнокомандующаго Л. Г. Корнилова. Появленіе ген. Корнилова въ залѣ совѣщанія вызвало движеніе во всѣхъ ярусахъ и перешло въ бурную овацию, когда онъ, вернувшись отъ А. Ф. Корен-

скаго, показался въ боковой ложѣ у сцены. Въ отнѣтъ на эту овацию лѣвый секторъ зала такъ же шумно привѣтствовалъ Предсѣдателя Совѣта министровъ А. Ф. Керенскаго, когда онъ вышелъ послѣ перерыва въ залу совѣщанія. Зала была освѣдомлена о тѣхъ треніяхъ, которыя происходили между главой правительства и верховнымъ главнокомандующимъ на почвѣ императивныхъ требованій ген. Корнилова принять срочныя мѣры къ оздоровленію фронта и опасенія грядущей военной диктатуры.

Въ послѣдующемъ наиболѣе интереса представляло выступленіе военной группы съ генераломъ Л. Г. Корниловымъ, М. В. Алексѣевымъ и А. М. Калединымъ во главѣ. Появлѣніе верховнаго главнокомандующаго на трибунѣ вновь вызвало бурную овацию по его адресу и контрѣ-овацию по адресу А. Ф. Керенскаго слѣва. Въ краткихъ, простыхъ словахъ, далеко не претендующихъ на ораторскіе пріемы, генералъ Л. Г. Корниловъ очертилъ тяжелое положеніе на фронтѣ, указалъ на приближающуюся катастрофу на Рижскомъ секторѣ. Чувствовалось волненіе выступавшаго главнокомандующаго и что онъ не все сказалъ, что могъ сказать, подчиненный честной солдатской дисциплинѣ правительству. Слѣдующимъ изъ этой группы выступалъ ген. М. В. Алексѣевъ, исключительно подробно и авторитетно освѣтившій воинское и военное дѣло Россіи. Заключило кругъ этой группы оглашеніе ген. А. М. Калединымъ обще-казачьей декларациі. Насколько рѣчъ ген. Корнилова восила освѣдомительный, а рѣчъ ген. Алексѣева экспертный характеръ, настолько обще-казачья декларациія ставила точки надъ «і», требуя вывести армію изъ огненнаго, пожирающаго ее, кольца политики, возвращенія вождямъ ея былой полной мощи и упраздненія комитетовъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Какъ я указывалъ выше есаулъ Ногаевъ сдѣлалъ попытку оспорить право ген. Каледина говорить отъ имени всего казачества, заявивъ, что казачья демократія не пойдетъ за своими генералами и раздѣлить позиціи, занятія общероссійской демократіей. Во время рѣчи есаула Ногаева изъ боковой ложи, гдѣ размѣщался штабъ главнокомандующаго, раздался «Zwischenruf», смыслъ котораго сводился къ тому, что «такъ говорятъ люди германской марки». А. Ф. Керенскій предложилъ сказавшему это показаться совѣщавію. Послѣ пѣкоторой паузы, въ теченіе которой никто «не показался» совѣщанію, предсѣдатель объявилъ перерывъ. По возобновленіи засѣданія слово было предоставлено полковнику ген.-штаба Сахарову, заявившему, что слова эти произнесъ онъ и что онъ готовъ дать любое удовлетвореніе офицеру Ногаеву. Въ залѣ послышались возмущенные голоса столько же по адресу полк. Сахарова, сколько и по адресу предсѣдательствовавшаго А. Ф. Керенскаго, что не мѣсто на государственномъ совѣщаніи бреттерскимъ діалогамъ, и инцидентъ на этомъ былъ законченъ.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ, устроенныхъ на сценѣ, находились князь П. А. Крапоткинъ, Г. В. Плехановъ и Е. К. Брешко-Брешковская, выступившіе затѣмъ въ послѣднемъ засѣданіи. П. А. Крапоткинъ взволнованно предостерегалъ отъ легкомысленныхъ увлеченій, въ результатѣ которыхъ страна неминуемо будетъ ввергнута въ тяжкія переживанія побѣжденной націи. Съ жестами, не привычными для русского глаза, Г. В. Плехановъ не менѣе взволнованно призывалъ къ единенію демократію и цензовые элементы, приведя разсказъ о двухъ кошкахъ, которые дрались до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ остались одни хвосты и предостерегалъ россійскій пролетаріатъ отъ легкомысленного захвата власти, напоминая слова Энгельса, что нѣть большаго несчастья для страны, дѣла соціализма и пролетаріата, какъ если власть перейдетъ въ руки послѣдняго,

когда онъ не созрѣлъ и не подготовленъ для этого. Тономъ, напоминающимъ тонъ няни, говорящей съ малыми дѣтьми, призывала къ едивенію и терпѣнію и Е. К. Брешко-Брешковская.

Временное Правительство размѣщалось на возвышеніи сцены и ораторская трибуна находилась возлѣ стола правительства. Сзади, вглубь сцены, шли мѣста для комиссаровъ Временного Правительства. Министры почти всѣ, — насколько припомнить, отсутствовалъ, только А. С. Зарудный, — присутствовали на совѣщаніи. Наиболѣе интереса, различного по качеству, возбуждалъ «селянскій министръ» В. М. Черновъ. Когда онъ проходилъ, въ перерывахъ между скамьями лѣваго сектора, его оживленію привѣтствовали представители крестьянъ и совѣтъ, въ выпущенныхъ иллюстраціяхъ фигурировали его снимки съ щебородыми крестьянами. Наоборотъ, стрѣлы праваго сектора направлялись преимущественно по его адресу и, говоря о томъ, что «Циммервальдъ не спасъ и надо воевать до конца, до почетнаго мира», В. А. Маклаковъ повернулся въ упоръ къ сидящему у края правительственнаго стола В. М. Чернову.

Наступилъ моментъ заключительной рѣчи главы правительства А. Ф. Керенскаго. Было уже ясно, что московское совѣщаніе никакихъ положительныхъ результатовъ не дало. Оно не только не сгладило, но еще больше расширило трещины расхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ влило въ созваніе собравшихся ощущеніе *testimonium'a rauperitatis* передъ происходящей въ Россіи грозой. Напрасно А. Ф. Керенскій въ своей болѣе первой рѣчи, чѣмъ первая при открытии совѣщанія, еще разъ упомянулъ «о желѣзѣ и крови», передъ которыми не остановится правительство, это прозвучало такъ же, какъ прозвучали послѣднія слова его рѣчи, когда онъ, теряя пониманіе окружающаго, заговорилъ о томъ, что онъ «вырветъ цвѣты изъ своего сердца, запреть его на ключь и ключь бросить далеко въ пропасть», зашатался, а кто то изъ партера, крикнувъ «не надо, не надо», бросился къ нему цѣловать руки...

Съ певыразимо гнетущей тяжестью и пустотой въ сердцѣ покинули мы помѣщеніе Большого Московскаго Театра.

VIII

Новая городская дума. Выборы въ Учредительное Собраніе. Пріѣздъ О. М. Оппико. Провалъ большевиковъ.

Въ августѣ же 1917 г. происходили выборы въ Ставропольскую городскую думу по новому закону Временного Правительства; списки кандидатовъ заявлены были демократическимъ блокомъ, к.-д., мѣщанами и торгово-промышленной группой. Списокъ большевиковъ отсутствовалъ, и они отдѣльной группой участія въ выборахъ не принимали. Побѣдилъ на выборахъ демократический блокъ, на спискѣ которого объединились с.-д.-меньшевики, с.-р., п.-с., совѣты и професіональные союзы и иѣкоторые безнартійныя группы, представители которыхъ, пользуясь персонально популярностью, вошли въ списокъ. По списку блока прошло подавляющее большинство гласныхъ, въ числѣ ихъ прежний городской голова Н. Г. Дидрихсонъ, по спискамъ к.-д. и мѣщанъ пропорционально меньшее число и единственный представитель отъ торгово-промышленной группы. Городскимъ головой былъ избранъ почти единогласно Н. Г. Дидрихсонъ, по первыя же пробы намѣтить остальной составъ управы показали, какъ трудно будетъ новому городскому самоуправлению создать отвѣтственный дѣловой органъ при

наличній узко-партийныхъ и групповыхъ вожделѣній вошедшихъ въ думу фракцій, расцѣнивавшихъ отдѣльныя кандидатуры не по признакамъ персональныхъ дѣловыхъ качествъ, а по принадлежности къ той или другой группѣ. Исключение было сдѣлано единственное для беспартийного И. Г. Дирихсона, подавлявшаго своею дѣловой импозантностью всѣ группы. Въ управу вошли членами по одному представителю отъ с.-д., с.-р., п.-с. и мѣщанъ, к.-д. получили въ лицѣ своего представителя мѣсто товарища предсѣдателя думы. Въ дальнѣйшемъ этотъ составъ управы видоизмѣнялся. И. Г. Дирихсонъ просилъ его хоть временно освободить отъ несенія обязанностей городского головы и въ отправленіе этихъ обязанностей вступилъ замѣститель гор. головы молодой кооператоръ И. П. Слѣпушкинъ. Было ли трудоспособно молодое городское самоуправленіе въ теченіе тѣхъ 7 мѣсяцевъ, которые протекли съ момента выборовъ по день упраздненія его органовъ большевиками? Отвѣтить на этотъ вопросъ было бы легче, если бы работа его органовъ протекала въ болѣе нормальной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что постаповленіями Временного Правительства отъ 9 іюля, 7 и 29 сентября 1917 г. сфера дѣятельности общественнаго управленія городовъ значительно была расширена съ подчиненіемъ ему такихъ отвѣтственныхъ органовъ, какъ, напримѣръ, городская милиція. Можно сказать только одно, что, конечно, какъ и любой общественной органъ того времени, городская дума претендовала на роль маленькаго парламента на своей территории и приносila почти всѣ свои дары краснорѣчія въ жертву политикѣ. Это не помѣшало, а, можетъ быть, наоборотъ, побудило молодое городское самоуправлѣніе мужественно и стойко въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его существованія выдерживать напоръ совѣтской власти, демонстрируя всѣмъ своимъ поведеніемъ непризнаніе совершенной большевиками узурпациіи.

Но вслѣдъ за выборами городского самоуправленія приближалась выборы въ Учредительное Собрание, которые поглощали въ то время вниманіе и надежды населенія. Нельзя не припомнить, какъ протекала предварительная подготовка по созыву Учредительного Собрания: 2 марта были утверждены принципы выборовъ, 25 марта подъ предсѣдательствомъ И. Н. Авишова было созвано особое совѣщаніе для выработки закона объ учредительному собраніи, — первое засѣданіе его открылось 25 мая. Работа совѣщанія длилась два мѣсяца и, не ожидая завершенія «положенія о выборахъ», опубликованного 26 іюля, правительство, подъ давленіемъ событий, сначала 14 іюня назначило созывъ Учр. Собр. на 17 сентября, но потомъ отложило созывъ его на 12 ноября.

При встрѣчѣ въ Петербургѣ на августовскомъ съѣздѣ комиссаровъ и на Московскому Совѣщанію я имѣлъ случай бесѣдовать о предстоящихъ выборахъ съ О. М. Онипко, влиятельнымъ перводумцемъ отъ Ставропольской губерніи, и приглашалъ его прїѣхать въ Ставрополь, чтобы сообща съ мѣстными дѣятелями обсудить вопросъ о коалиціонномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собрание. О. М. Онипко передъ выборами прїѣхалъ въ Ставрополь, но при встрѣчѣ со мной указалъ, что составленіе коалиціонного списка встрѣчаетъ возраженіе со стороны партии с.-р., рѣшившей выступить исключительно со своимъ партийнымъ спискомъ кандидатовъ съ О. М. Онипко во главѣ, разсчитывая въ крестьянской Ставропольской губерніи собрать значительное число голосовъ. Дѣйствительно имя О. М. Онипко, нынѣ погибшаго отъ руки большевиковъ, необычайно было популярно въ Ставропольской губерніи еще со временемъ выборовъ въ первую Государственную Думу. Послѣ выборовъ тогда крестьяне провожали его пѣлыми сѣлами по пути въ городъ, заказывая всенародные молебны о здравіи «раба Божія

Федота», заставляли его всенародно целовать крестъ на томъ, что онъ народъ не обманеть. Когда первая дума была распущена и Ф. М. Онипко былъ арестованъ и затѣмъ преданъ военному суду какъ участникъ кронштадтскаго восстания, крестьянское населеніе губерніи вновь начало служить всенародные молебны объ избавлениі отъ бѣдъ «раба Божія Федота» и затѣмъ предъявило правительству столь бурныя требованія «освободить и представить народу «Федота», что спѣшко было замѣкнуто тогдашній губернаторъ полк. Эльснеръ генераломъ Литвиновскимъ, и губернія была объявлена на положеніи чрезвычайной охраны. Присужденный къ ссылкѣ на поселеніе Ф. М. Онипко бѣжалъ въ 1907 г. изъ ссылки заграницу, при объявлениі войны 1914 г. поступилъ волонтеромъ во французскую армію, былъ тяжело раненъ, лишь благодаря своему богатырскому организму оправился и по возвращеніи въ Россію, уже при Временномъ Правительствѣ, получилъ назначеніе на постъ генерального комиссара Балтійского флота. Онъ былъ проникнуть, насколько я могу судить по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ бесѣдъ съ нимъ, трезво-государственнымъ, культурнымъ, по европейски пониманіемъ задачъ и обязанностей власти въ то трудное время.

Не правъ И. Д. Сургучевъ въ своей брошюрѣ «Большевики въ Ставрополѣ», когда не находить другихъ словъ для характеристики Ф. М. Онипки, какъ только «бывшій волостной писарь». Эта ссылка на plusquamperfectum происходила отъ того, что И. Д. Сургучеву не было известно, какую огромную работу падъ своимъ образованіемъ продѣлалъ Ф. М. Онипко во время пребыванія эмигрантомъ заграницей, что дало ему возможность вернуться въ Россію значительно пополнивъ свое образование. Не было вѣроятно известно, что Ф. М. Онипко продѣлалъ волонтеромъ путь войны въ рядахъ французской арміи и, занимая затѣмъ, одіозный въ глазахъ многихъ, постъ генерального комиссара Балтійского фронта, былъ однимъ изъ наиболѣе трезвыхъ, проницнутыхъ преданностью российской государственности, педюжинныхъ дѣятелей.

Возглавленіе списка мѣстныхъ с.-р. именемъ Ф. М. Онипко защищало обезпечивало побѣду этого списка на выборахъ Ставропольской губерніи. Наиболѣе актуальнымъ конкурентомъ этого списка былъ списокъ большевиковъ, мобилизовавшихъ для предвыборной агитации все свои силы и связи съ находящимися въ дезертираствѣ фронтовиками. Пріемы ихъ агитации болѣею частью сводились къ тому, что, явившись на предвыборное собрание сплоченной группой, они поднимали шумъ при выступлении представителей конкурирующихъ съ ними списковъ, прерывали ораторовъ криками: довольно, долой! и иногда просто срывали собрание. Этотъ же методъ борьбы на собраніяхъ они примѣняли внослѣдствіи въ еще болѣе откровенныхъ формахъ и на крестьянскомъ съездѣ въ концѣ декабря 1917 г., и на губернскомъ народномъ собрании.

Кромѣ этихъ двухъ списковъ были еще заявлены: соединенный списокъ кооператоровъ и народныхъ соціалистовъ, партии народной свободы, соц.-демократическихъ и «хлѣбородовъ», подъ названиемъ которыхъ проводились кандидатуры землевладѣльцевъ. Общій подсчетъ записокъ показалъ, что голосовало въ губерніи около 260 000 человѣкъ. Изъ всего количества записокъ — около 200 000 получили соц.-рев., около 20 000 большевики и к.-д., прочие голоса разбились по остальнымъ спискамъ. Избранные были по списку соц.-рев. въ члены Учредительного Собрания: Ф. М. Онипко — генеральный комиссарь Балтійского фронта, Е. А. Дементьевъ — мѣстный журналистъ и адвокатъ, Л. Г. Малій — предсѣдатель правления кооперативного банка, г. Бочарниковъ — журналистъ, г. Гулоровъ-Попиковъ, — предсѣдатель Александровской уѣздной управы.

и г. Емельяновъ — крестьянинъ. Избранныя лица по приглашению партии поспѣшили выѣхать въ Петербургъ, по Учредительному Собранию, — на этотъ разъ уже по волѣ большевиковъ не суждено было открыться.

IX

Назначеніе прокуроромъ. Запросы совѣта. Эпизодъ съ дѣвицей-солдатомъ Ю.

Послѣ одного изъ засѣданій губернскаго комитета общественной безопасности, ко мнѣ обратился присутствовавшій на засѣданіи прокуроръ Новочеркасской судебной палаты Н. С. Ермоленко съ предложеніемъ занять освободившееся мѣсто ставронольскаго прокурора. При этомъ Н. С. Ермоленко указалъ мнѣ, что по его впечатлѣніямъ моя прежняя, извѣстная ему, дѣятельность гарантируетъ мнѣ наиболѣе независимое отъ виѣшнихъ давлений положеніе въ прокурорскомъ надзорѣ. Черезъ нѣкоторое время я изъявилъ согласіе, и представленіе обо мнѣ на должность ставропольскаго прокурора пошло въ министерство юстиціи. Когда я былъ въ Петербургѣ на августовскомъ сѣзонѣ комиссаровъ и представителей общественныхъ организаций, управляющей министерствомъ юстиціи А. А. Демьяновъ сообщилъ мнѣ, что приказъ о моемъ назначеніи на днѣхъ будетъ подписанъ. На мой вопросъ, возможно ли совмѣщеніе званія прокурора съ несеніемъ обязанностей предсѣдателя комитета и по городской думѣ, гдѣ памѣчалась моя кандидатура въ предсѣдатели, А. А. Демьяновъ отвѣтилъ, что лично онъ не находитъ къ этому препятствій, пока сама жизнь не обнаружитъ неудобства такого совмѣщенія. Впослѣдствіе жизнь обнаружила такое «неудобство», и я отказался отъ званія предсѣдателя городской думы, когда она была возстановлена въ своихъ правахъ Добровольческой Арміей.

Нѣкоторое время вступлѣніе мое въ должность задерживалось возложенными на меня обязанностями предсѣдателя комиссіи по выборамъ въ Учредительное Собрание и лишь послѣ того, какъ я былъ освобожденъ по моей просьбѣ отъ этой срочной работы, я могъ приступить къ фактическому несенію обязанностей прокурора. Власть и сфера дѣятельности прокурора въ это время значительно расширились съ изданіемъ закона отъ 11 апрѣля 1917 г. обѣ отмѣнилъ административныхъ гарантій. Законъ этотъ предоставлялъ власти прокурора возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ, укрытыхъ рапорте всякаго рода гарантіями должностного иммунитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе юстиціи къ незыблѣмымъ принципамъ судебныхъ уставовъ 1864 г. обѣщало, казалось, превратить прокурора въ слугу закона, но не слугу кого-либо другого. Но это только казалось. Прокуроромъ одной изъ сосѣднихъ съ Новочеркасской судебнѣхъ палатъ былъ изданъ замѣчательный въ исторіи прокуратуры циркуляръ о необходимости для прокурорскаго надзора дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ возникшими демократическими организаціями. Этого ужъ, конечно, творцы судебнѣхъ уставовъ не предвидѣли. Не предвидѣли они и возможности такого совмѣщенія судебнѣхъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ о примѣненіи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава, что имѣло мѣсто уже въ дни Добровольческой Арміи.

Больше всего поводовъ для попытокъ къ «контакту» съ прокурорскимъ надзоромъ давала демократическимъ организаціямъ новелла Временнаго Прави-

тельства отъ 17 марта, въ части ея, касающейся предоставлениі лицамъ, винавшімъ въ преступленіе, искунить свою вину на фронтъ. Порядокъ примѣненія этого условнаго освобожденія быль простъ: подавшія такое заявленіе лица автоматически освобождались прокурорскимъ надзоромъ. Но не такъ просто было вернуть этихъ лицъ въ прежнее тюремное состояніе, когда они, смѣшивъ арестантскій халатъ на воинскую одежду, дезертировали на мѣста. Арестъ ихъ обычно вызывалъ жалобу арестованного въ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, а оттуда запросъ, на какомъ основаніи арестованъ товарищъ такой-то, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ новыхъ заявлений арестованного о его желаніи искунить вину на фронтъ и запросы совѣдна, почему такой-то не освобождается. Въ одномъ изъ своихъ обычныхъ докладовъ мѣстный начальникъ уголовнаго розыска сообщилъ мнѣ, что въ пригородное село Михайловское прибылъ съ фронта условно освобожденный пзъ тюрьмы каторжанинъ Абрамовъ, угрожающій свести кое съ кѣмъ старые счеты. Получивъ дополнительно изъ волостного правленія справку, что Абрамовъ проживаетъ въѣ своеї воинской части по просроченному отпускному свидѣтельству, я составилъ постановленіе о возвращеніи его въ прежнее состояніе каторжанина. Заключенный въ тюрьму Абрамовъ поднялъ бучу чрезъ мѣстный совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, но мой отказъ совѣту въ признаніи его права на вмѣшательство въ распоряженіе прокурорского надзора установилъ въ дальнѣйшемъ такой порядокъ, что жалобы, поступившія на меня въ совѣтъ, присылались мнѣ совѣтомъ при надписи «на распоряженіе», а я ихъ препровождалъ въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ для жалобъ, по при надлежности, сообщая объ этомъ жалобщику. Но одинъ разъ мнѣ пришлось непосредственно выступить предъ совѣтомъ по слѣдующему поводу.

Ко мнѣ въ служебный кабинетъ явился юный солдатъ, конвоирующий уже не молодого, очень встревоженнаго интеллигента. Изъ опроса ихъ выяснилось, что молодая девица Ю., одѣтая въ солдатскую форму, — «такъ лучшеѣздить по желѣзной дорогѣ», заявила она, — встрѣтила въ вагонѣ раненаго солдата,ѣхавшаго въ одиночномъ порядке въ лазаретъ въ г. Ставрополь. Она убѣдила раненаго, что будетъ лучше, если онъ поѣдетъ не въ Ставрополь, а въ родное село, перегрузила его изъ вагона въ телѣгу и провезла его по грунтовой дорогѣ въ сел. Ладовскую Балку. Тамъ, явившись на амбулаторій пріемъ, кстати сказать, единственнаго на все село врача, потребовала, чтобы врачъ принялъ раненаго въ амбулаторію на излѣченіе. Какъ ни доказывалъ врачъ, что раненаго необходимо отправить въ лазаретъ, девица Ю. не унималась и наконецъ заявила врачу, что онъ «арестованъ» и предложила ему слѣдовать за собой.

— А что же вы сдѣлали съ раненымъ? — спросилъ я.

— Оставила его въ селѣ. Не трясти же его опять 30 верстъ въ телѣгѣ, бойко отвѣтила девица.

Врачъ послушно прослѣдовалъ за девицей Ю. сначала 30 верстъ въ телѣгѣ, потомъ около 100 верстъ поѣздомъ и явился вмѣстѣ съ ней ко мнѣ въ прокурорской кабинетъ.

— Ну, а теперь, что вы скажете? обратился я къ врачу, когда девица Ю. окончила свой разсказъ.

— Да что же, я, право, не виноватъ. Вѣдь не могу же я держать въ амбулаторіи раненаго съ раздробленіемъ кости.

— Жалобъ вы никакихъ не заявляете?

— Нѣть что же,ѣхали мы мирно.

— Ну, а желаніе ваше каково?

— Да что жь, право я ужъ и не знаю. — Онъ покосился на дѣвицу-солдата. — Поступите по закону, г. прокуроръ.

Я, наконецъ, не выдержалъ и выразилъ удивленіе «арестованному», какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, по капризу подростка бросилъ село съ населеніемъ въ 20 тысячъ человѣкъ безъ медицинской помощи и, въ качествѣ добровольца-арестованнаго, явившись за 130 верстъ отъ мѣста службы въ кабинетъ прокурора, даже не имѣть сдѣлать никакихъ заявлений. —

— Потрудитесь немедленно вернуться къ мѣstu службы — обратился я къ врачу, — а васъ, заявилъ я дѣвицѣ Ю., я приужденъ задержать.

— Нѣтъ, ради Бога, этого не дѣлайте, — взмолился врачъ, — лучше арестуйте меня, я вѣдь не жалуюсь.

Я еще разъ въ болѣе пастойчивой формѣ потребовалъ подъ угрозой, возбудить противъ него преслѣдовавіе, чтобы онъ немедленно отправился къ мѣstu своей службы. Врачъ вышелъ, но черезъ иѣкоторое время вернулся ко мнѣ въ кабинетъ и нерѣшительно присѣлъ на краюшечкъ стула у двери.

Дѣвица Ю. потребовала у меня бумаги, чтобы написать на меня жалобу въ совѣтъ. Я далъ ей листъ бумаги, но предупредилъ, что предварительно просмотрю ея жалобу, чтобы она, въ силу своей молодости, не создала себѣ неловкаго положенія. Жалоба ея начиналась словами: «какой-то . . . , — дальше стояло не литературное выраженіе, — арестовалъ меня за то, что я арестовала саботажника врача, отказавшагося лѣчить раненаго».

— Сколько вамъ лѣтъ, — задалъ я вопросъ.

— А вамъ зачѣмъ это? — Ну, семнадцать . . .

— Какое учебное заведеніе вы окончили?

— Гимназію. А что?

— Не кажется ли вамъ тонъ вашей жалобы неподходящимъ ни къ вашему возрасту, ни положенію дѣвушки, окончившей гимназію? Вы изложите подробно фактическую сторону дѣла безъ рѣзкихъ выражений, оскорбляющихъ меня, какъ должностное лицо, и я немедленно отправлю ее по назначенію.

— Нѣтъ, я отправлю ее сама!

Въ коридорѣ, какъ оказалось, ее ожидали два солдата, которымъ она, съ моего разрѣшенія, и вручила жалобу, написанную на этотъ разъ безъ неприлично-грубыхъ выражений. Я принялъ было писать постановленіе о ея арестѣ, какъ она вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Послушайте, дайте мнѣ рубль, я хочу послать за шоколадомъ . . .

— Разрѣшите, я принесу шоколаду, — привсталъ съ своего стула врачъ, о пребываніи которого въ кабинетѣ я было забылъ.

Я не могъ не улыбнуться и . . . бросилъ писать постановленіе. Когда врачъ вышелъ я поднялъ глаза на дѣвушку, ходившую первыми шагами изъ угла въ уголъ моего кабинета. Въ это время раздался звопокъ по телефону. Предсѣдатель совѣта солдатскихъ депутатовъ просилъ меня прибыть, если можно сейчасъ же, въ засѣданіе совѣта, гдѣ разсказываются что-то певѣроятное о происходящемъ у меня въ кабинетѣ. Я обѣщалъ прийти. Дѣвица Ю. догадалась, что меня требуютъ въ совѣтъ.

— Надѣюсь, вы сообщите мнѣ постановленіе совѣта? — спросила она.

— Будьте покойны, сообщу, а вы ужъ потрудитесь подождать меня здѣсь, въ кабинетѣ.

Когда я вошелъ въ засѣданіе совѣта, я засталъ конецъ обсужденія виѣчегородного заявленія о невѣроятномъ проявленіи мною контрѣ-революціонныхъ и . . .

имперіалистическихъ навыковъ. Когда говорившій окончилъ свою рѣчъ, я попросилъ огласить жалобу, подтвердилъ фактическую сторону ея содержанія и затѣмъ задалъ собравшимся вопросъ, изъ-за чего меня оторвали отъ служебныхъ занятій? Хотять ли мыѣ собравшіе указать, что каждой 17-лѣтней дѣвушкѣ приналежитъ право ареста, то самое право, которое обставлено строгими рамками и для лицъ, на то закономъ уполномоченныхъ? Или мыѣ заявить здѣсь, что правильно арестованъ врачъ, единственный въ селѣ, и что молодая дѣвица въ правѣ лишить по своему капризу 20 тысячное населеніе медицинской помощи? Для чего же вамъ тогда писать законы, если вы хотите управляться на твердомъ основаніи капризовъ несовершеннолѣтнихъ ребятъ? — спросилъ я.

Послѣ прекращенія преній было принято предложеніе просить меня, въ виду несовершеннолѣтія Ю., взамѣнъ заключенія ея подъ стражу препроводить ее по мѣсту жительства подъ надзоръ родителей. Я попросилъ мыѣ выдать копію этого постановленія. Когда я вернулся къ себѣ въ кабинетъ, я засталъ дѣвицу Ю. и врача мирно кушающими шоколадъ. При моемъ появлѣніи дѣвица Ю. порывисто поднялась съ мѣста.

— Ну что же совѣтъ постановилъ?

Я протянулъ ей копію постановленія. Она быстро пробѣжала ее, посмотрѣла на меня глазами, полными слезъ, и быстро проговорила:

— Это хуже тюрьмы.

Я выслалъ врача изъ кабинета, усадилъ ее и спросилъ: неужто она и теперь не понимаетъ, какъ она согрѣшила противъ этого, уже не молодого врача, противъ раненаго, котораго она бросила на произволъ судьбы и противъ населенія, которое она лишила медицинской помощи. А вѣдь тамъ, гдѣ живутъ 20 тысячъ людей, каждый часъ, каждую минуту можетъ потребоваться срочная помощь врача, безъ которой погибнетъ больной или пострадавшій отъ несчастнаго случая. Кто приметъ на себя грѣхъ за это? За что, ваконецъ, вы оскорбили меня? — спросилъ я. Неужто только за то, что на меня возложено закономъ оберегать населеніе отъ такихъ необдуманныхъ шаговъ, какъ вашъ? Перемѣните этотъ, такъ не идущій къ вамъ, солдатскій костюмъ и дайте мнѣ слово, что никогда болѣе не будете злоупотреблять ни этимъ костюмомъ, ни не принадлежащимъ вамъ правомъ. А теперь, прощайте.

Я протянулъ ей руку, она первѣтельно пожала ее и быстро вышла изъ кабинета.

Послѣ этого эпизода не было болѣе случаевъ вмѣшательства въ мои дѣйствія извиѣ, вплоть до того момента, когда я былъ арестованъ матросами-большевиками, принужденъ былъ бѣжать изъ Ставрополя, а потомъ, по вступлѣніи въ городъ Добропольской Арміи попалъ въ управлѣніе поистинѣ Щедринскаго генералт.-губернатора Уварова.

X

Отануки октябрьскаго переворота. Безусильное будированіе большевиковъ. Появление 39 дивизіи. Разгромъ винныхъ складовъ. Проектъ созыва народнаго собранія.

Въ комиссіи по созыву. Срывъ Народнаго Собрания.

Октябрьскій захватъ власти большевиками почти ничѣмъ війнне не отразилъся на жизни Ставропольской губерніи. Тщетно мѣстные большевики, значительно поднявши голову послѣ переворота въ центрѣ, почти на каждомъ засѣданіи сочи-

төвъ вносили предложение о передачѣ власти совѣтамъ, — огромное совѣтское большинство опровергивало это предложение до тѣхъ поръ, пока Ставропольская губернія, окруженнная со всѣхъ сторонъ казачьей территоріей, не явилась мѣстомъ водворенія панболѣе большевистски настроенныхъ воинскихъ частей, отчасти продвигавшихся съ фронта, отчасти прогаливавшихся казаками съ своихъ территорій. Первымъ незванымъ гостемъ, положившимъ начало водворенію въ губерніи разложившихся частей былъ 111 занаспый полкъ съ своимъ комиссаромъ студентомъ Анисимовымъ во главѣ, сыгравшимъ такую печальную памятную роль въ чеченско-казачьей стычкѣ, послѣ чего полкъ этотъ поспѣшилъ покинуть предѣлы Терской области. Слѣдомъ за 111-мъ полкомъ стали расквартировываться въ губерніи части 39 дивизіи, скоро выведшія жизнь изъ прежней болѣе или менѣе спокойной нормы. Положеніе въ губерніи власти, не признающей центральной власти большевиковъ, утратившей центръ послѣ паденія Временного Правительства, окруженней со всѣхъ сторонъ казачими областями, въ которыхъ быстрѣе, чѣмъ въ губерніи, намѣчался распадъ, при занятности губерніи большевистскими частями, обладающими въ изобиліи оружиемъ, дѣлалось совершенно исключительнымъ. Чтобы хоть сколько-нибудь оттянуть осуществленіе военной диктатуры явившихся въ губернію частей, возникла мысль о созывѣ губернского народного собранія, на вотумѣ и признаніи котораго власть разсчитывала построить освованіе своего дальнѣйшаго существованія. Побудили поспѣшить съ осуществленіемъ этого плана начавшіеся вскорѣ послѣ появленія 39 дивизіи разгромы винныхъ складовъ, въ томъ числѣ и въ Ставрополѣ, создававшіе жуткую картину разгула почувствовавшей свою силу черни. Въ Ставрополѣ разгромъ винного склада, если не ошибаюсь, произошелъ въ ночь на 29 ноября 1917 г. и окончательно убѣдилъ и населеніе, и власть въ полномъ безсиліи передъ вооруженною военною чернью, ставшую въ эту пьяную ночь господиномъ положенія.

Для разработки вопроса о созывѣ общегубернского народного собранія была организована особая комиссія, куда вошли представители отъ общественного самоуправленія, демократическихъ и професіональныхъ организацій и отъ всѣхъ партій, до большевиковъ включительно. Повидимому всѣхъ, въ томъ числѣ и большевиковъ, объединяло одво общее опасеніе нередъ надвигнувшейся воинской анархіей, которая уже явила знаменіе будущаго въ пьяную ночь разгрома складовъ. По мысли, принятой въ комиссіи, ядро народного собранія должно было составиться изъ губернского земскаго собранія, расширенаго представительствомъ отъ волостныхъ земскихъ единицъ, представительствомъ городскихъ самоуправлений, совѣтовъ, професіональныхъ организацій и партій. Назначенъ былъ срокъ созыва собранія на 30 декабря 1917 г. и срочно оповѣщено объ этомъ населеніе губерніи. Насколько всѣхъ объединяла мысль объ общей надвигающейся опасности, можно было судить по тому, что всѣ доклады, предполагаемые къ внесенію въ народное собраніе, обсуждались почти безъ преній и принимались почти единогласно. Въ числѣ предполагаемыхъ докладовъ были: о конструкціи власти, приходо-расходная смета губерніи и о заключеніи соглашенія съ сосѣдними областями, объ организаціи Юго-Восточного союза. Конструкція власти предполагалась въ слѣдующемъ видѣ. Во главѣ управлениія стоитъ административное лицо съ функциями, мало отличающимися отъ прежнихъ функций губернского комиссара Временного Правительства, съ совѣтомъ при немъ изъ 7 лицъ, являющимися въ то же время начальниками вѣдомствъ. Ландтагомъ въ губерніи является расширенное земское собраніе съ увеличеннымъ представительствомъ отъ волостныхъ

земствъ* и городскихъ самоуправлений, надѣленныхъ, какъ и волостныя земства, не только хозяйственными, но и функциями управлениія. Даже проектъ соглашенія съ казаками обѣ организаціи Юго-Восточного союза, не взирая на будорованіе большевиковъ, былъ принятъ для внесенія въ народное собрание пѣми голосами комиссіи при двухъ воздержавшихся большевикахъ.

Но ни одному изъ этихъ докладовъ не суждено было получить жизнь на народномъ собраниі. 30 декабря 1917 г. недавно прибывшія въ городъ и губернію воинскія части заполнили своими представителями сначала созданный по иниціативѣ с.-р. крестьянскій съездъ, захватили для занятій послѣдняго обширную залу 1-ой мужской гимназіи, гдѣ должно было открыться Народное собрание, потребовали перенесенія его открытия на 31 декабря, а затѣмъ провозгласили себя членами народнаго собранія. Стало совершенно очевиднымъ, что народное собраніе въ предполагавшейся конструкціи сорвано.

Тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка установить на собраніи хоть элементарный порядокъ и ввести его въ русло намѣченной программы обсужденія вопросовъ. Открывшій собраніе губернскій комиссарь Д. Д. Старлоchanовъ, изложивъ мотивы созыва собранія, принятую комиссией конструкцію его и списокъ вносимыхъ на собраніе докладовъ, предложилъ собранію, по избраніи временнаго президіума, приступить къ повѣркѣ полномочій членовъ собранія. Но по предложенію избраннаго предсѣдателемъ собранія комиссара 111 полка Анисимова, порядокъ этотъ былъ опрокинутъ принятымъ решеніемъ приступить въ первую очередь къ реконструкціи собранія путемъ устраненія изъ собранія цепозовыхъ и «контрь-революціонныхъ» элементовъ. Въ первую очередь были лишены права рѣшающаго голоса члены комиссіи по созыву этого собранія, затѣмъ проведена партийная демаркаціонная линія съ устраненіемъ отъ участія въ собраніи не только всѣхъ несоціалистическихъ партій, но даже народныхъ соціалистовъ, взятыхъ на этотъ счетъ въ подозрѣніе. Дальше уже пошли чисто анекдотическіе курьезы. Однимъ изъ участниковъ предлагалось лишить представительства учительскій союзъ, ибо «гимназіи — это барская затѣя, а школы, извѣстно, отъ земства», другимъ участникомъ предлагалось исключить союзъ почтовыхъ служащихъ, такъ какъ посылки на почтѣ проидаются и кромѣ того приходится долго стоять въ очереди. За то мѣстная фондовая биржа получила представительство послѣ разъясненія, что извозчики — пародъ трудовой и зимою стоять «на биржѣ» холодно.

Всѣ голосованія производились подъ стукъ прикладовъ многочисленныхъ членовъ собранія, явившихся на него съ винтовками, и голоса возражавшихъ тонули въ этомъ шумѣ, умолкавшемъ точно по командѣ, когда выступалъ кто-либо изъ первенствующаго сословія большевиковъ или сочувствующихъ имъ.

Послѣ такой чистки собраніе приступило къ органической работе, не ожидая результатовъ новѣрки полномочій. Въ первую очередь было провозглашено упраздненіе павсегда земства въ Станционской губерніи **, затѣмъ было установленъ принципъ голосования: «открытаго, съ устраненіемъ контрь-революціонныхъ элементовъ». Когда стрѣлка приблизилась къ 12 часамъ, предсѣдатель собранія Анисимовъ, прерывавъ выступавшаго оратора, предложилъ привѣтство-

* Для волостныхъ земствъ предполагалось представительство непосредственное, минуя уѣздное представительство.

** Характерно отмѣтить, что прошло это постановленіе при участіи давнишнаго земского служащаго А. А. Попомарева.

вать наступающій 1918 годъ провозглашеніемъ перехода власти къ совѣтамъ и огласилъ текстъ заготовленной депеши на имя центрального правительства совѣтовъ.

Тотчасъ же передъ зданіемъ собранія началась ружейная пальба, перекинувшаяся, точно по сигналу, на улицы города и не прекращавшаяся почти всю ночь.

Этой заключительной сценой, ве лишенной театральнаго эффекта, закончился первый периодъ блужданія Ставропольской губерніи въ поискахъ власти и настутила эра совѣтскаго владычества, не продолжительного, впрочемъ, на этотъ разъ.

XI

Первые дни совѣтской власти. Забастовка служащихъ. Раритеты. Конструкція власти. Первый составъ сов. нар. ком. «Мирное житіе». Комиссары Юстиціи Тисленко и Гамаюнъ. Симбіозъ думы и совѣтской власти. Прапорщикъ Сохацкій. Походъ его на ген. Корнилова. Упраздненіе гор. думы. Два послѣднихъ засѣданія. Нѣсколько словъ о Л. С. Миркинѣ и А. А. Чернышевѣ.

Въ ночь на 1 января 1918 г., вслѣдъ за провозглашеніемъ совѣтской власти, рабоче-солдатскими отрядами въ Ставрополѣ были заняты почтово-телеграфная контора, банки, казначейство и прежній губернаторскій домъ, гдѣ въ спѣшномъ порядкѣ обсуждался вопросъ о сформированіи первого совѣта народныхъ комиссаровъ.

Но фактическій срывъ Народнаго Собранія, устраненіе отъ участія въ немъ значительного числа профессіональныхъ группъ и захватъ помѣщеній почты, телеграфа и кредитныхъ учрежденій вызвали уже 2 января столь единодушный протестъ со стороны всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, что предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревъ принужденъ былъ гарантировать стачечному комитету служащихъ дальнѣйшее невмѣшательство совѣтской власти въ обычную работу учрежденій.

Данное А. А. Пономаревымъ обѣщаніе въ теченіе нѣкотораго времени выполнялось, и работа существующихъ учрежденій не только шла обычнымъ ходомъ, но изобиловала сплошь и рядомъ анекдотическими для совѣтской власти раритетами.

Такъ, напримѣръ, предсѣдатель совнаркома неизмѣнно требовалъ, чтобы во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ это по закону полагалось, присутствовалъ предводитель дворянства иставилъ въ журналахъ свою подпись вслѣдъ за подписью предсѣдателя совнаркома, чтобы предсѣдателя совнаркома титуловали во всѣхъ бумагахъ, исходившихъ изъ губернскаго правленія и присутствія «вашимъ пре-восходительствомъ» и т. д.

Но все это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока самъ предсѣдатель совнаркома Пономаревъ не былъ арестованъ «малой коллегіей», а затѣмъ въ спѣшномъ порядкѣ покинулъ предѣлы своего воеводства.

На губернскомъ собраніи, продолжавшемъ свои занятія еще нѣкоторое время послѣ провозглашенія совѣтской власти, была сдѣлана попытка конструировать власть на основаніи особой конституціи, предложенной большевиками. Схема этой конституціи была такова.

Высшимъ законодательнымъ органомъ въ губерніи является съездъ совѣтскихъ уполномоченныхъ, сессіи которого должны происходить ежемѣсячно. Съездъ выдѣляетъ изъ себя исполнительный комитетъ съ зафиксированнымъ количествомъ депутатовъ отъ крестьянъ, солдатъ и рабочихъ, а исполнительный комитетъ конструируетъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ и является органомъ контроля надъ послѣднимъ. Присутствовавшіе на губернскомъ собраніи крестьяне наставляли на пропорціональномъ представительствѣ въ исполнительномъ комитѣ, но большевики, утая, что значило бы пропорціональное представительство въ губерніи, гдѣ на миллионы крестьянъ насчитывалось около 1500 зарегистрированныхъ фабричной инспекціей рабочихъ и пѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, добились предоставленія крестьянамъ небольшого относительного перевѣса предъ рабочей и солдатской куріями исполнительного комитета, сорганизовали послѣдній, не ожидая пополненія его крестьянской куріей, и провели черезъ исполнительный комитетъ первый составъ совнаркома, поправъ, такимъ образомъ, собственную конституцію, только что выработанную на собраніи.

Въ составъ первого Ставропольского совнаркома вошли, насколько припоминаю, слѣдующія лица: предсѣдателемъ — А. А. Пономаревъ, завѣдующій отдѣломъ статистики губернского земства, юристъ по образованію, комиссаромъ юстиціи — сельскій ходатай Тисленко, военнымъ комиссаромъ — призванный на военную службу артистъ изъ труппы народного дома Мирошниченко, комиссаромъ путей сообщенія — желѣзиодорожный десятникъ Петровъ, комиссаромъ народного здравія — сапожный мастеръ (фамиліи не помню). Портфели финансъ и труда были предложены меньшевикамъ Ратнеру и Дубянскому, но они оба это предложеніе отклонили.

Нѣсколько позднѣе въ составъ совнаркома вошла комиссаромъ просвѣщенія Марія Вальяво, выѣхавшая для поступленія на курсы, гдѣ ее и застало предложеніе стать во главѣ вѣдомства просвѣщенія.

Почти одновременно организовались и уѣздные комиссаріаты, имѣвшіе въ своемъ составѣ комиссаровъ различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и комиссаровъ юстиціи.

Какъ я указывалъ выше, первые мѣсяцы существованія совнаркома, пока совѣтская власть, оторванная отъ центра, получала въ лицѣ мѣстныхъ людей по методу нагляднаго обучения жизненный опытъ, было сравнительно «мирное житіе», почти ничѣмъ не отличавшееся отъ предыдущаго периода переходнаго времени.

Комиссары были скромны и почти не вмѣшивались въ жизнь вѣдомствъ, аресты были рѣдкимъ явленіемъ и кончались сплошь и рядомъ освобожденіемъ, иногда за соотвѣтствующую изду, безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія. Такъ былъ освобожденъ изъ Ставропольской тюрьмы астраханскій калмыцкій воевода кн. Тундутовъ, задержанный было красноармейскимъ отрядомъ при переходѣ въ Донскую область.

Губернскій комиссаръ юстиціи Тисленко, малограмотный сельскій ходатай, не торопился съ преобразованіемъ судебныхъ мѣстъ, оттовариваясь на очередныхъ съѣздахъ соѣтовъ невозможностью получить соотвѣтствующіе законы изъ центра, но подъ напоромъ направлявшихся по его адресу запросовъ, сдѣлалъ попытку проконтролировать дѣйствія суда.

Какъ-то въ служебные часы въ прокурорскомъ кабинетѣ мой курьеръ доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть Тисленко.

— Въ родѣ, какъ наше начальство, — добавилъ онъ, улыбаясь.

Когда я вышелъ въ коридоръ, комиссаръ юстиціи, нескладно и путаясь въ словахъ, заявилъ, что онъ хотѣлъ бы принять участіе въ сессіи присяжныхъ васѣдателей, начавшейся въ судѣ.

— Какъ принять участіе, — удивился я, вѣдь вы же въ списокъ присяжныхъ не попали?

— Нѣтъ, я вѣдь хотѣлъ бы сидѣть съ судомъ.

— То-есть за столомъ съ судьями?

— Да, за столомъ, — отвѣтилъ онъ смущенно.

— Тогда обратитесь къ предсѣдательствующему, всѣ распоряженія по засѣданію по закону исходить онъ него.

Предсѣдательствующій объяснилъ комиссару, что за судейскимъ столомъ сидѣть только судьи, а, если онъ вообще хотѣлъ бы присутствовать при разборѣ дѣлъ, то судъ у насъ гласный.

— Обратитесь къ судебному приставу, онъ отведетъ вамъ мѣсто въ публикѣ, — добавилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, я въ публикѣ не хотѣлъ бы. Нельзя ли за столомъ? — упорствовалъ, хотя и не безъ смущенія, комиссаръ.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ молодой товарищъ прокурора, знавшій Тисленко, въ качествѣ деревенскаго ходатая, не удержался отъ язвительнаго замѣчанія, что для комиссара, разъ онъ не желаетъ сидѣть въ публикѣ, можно было бы отвести мѣсто вотъ тамъ, — онъ указалъ на скамью подсудимыхъ, — но мѣсто это будетъ сейчасъ занято «товарищами конокрадами».

Въ концѣ концовъ, комиссаръ юстиціи помирілся на томъ, что ему поставили мягкое кресло около пюпитра секретаря, а на слѣдующемъ съѣздѣ совѣтовъ доложилъ, что онъ принималъ участіе въ судѣ и вынесъ впечатлѣніе, что судить «правильно».

Черезъ нѣкоторое время, когда, по выраженію того же Тисленко, изъ Москвы былъ полученъ «мѣшокъ законовъ», и среди этихъ законовъ декреть о преобразованіи суда, Тисленко былъ замѣненъ на посту комиссара юстиціи Гамаюномъ, дѣлопроизводителемъ Александровскаго уѣзда съѣзда.

Вскорѣ по вступленіи въ должность, Гамаюнъ предложилъ чинамъ судебнаго вѣдомства обсудить, въ качествѣ *«legis ferenda»*, декреть центральной власти о преобразованіи суда. Состоявшееся соединенное совѣщаніе судей общихъ мѣстъ и мировыхъ, прокурорскаго надзора, слѣдователей и адвокатуры высказало единодушный взглядъ о невозможности отправлѣнія правосудія при замѣнѣ такого совершенного памятника, какъ судебные уставы, совершенно неудовлетворительнымъ проектомъ судебнаго кодекса, упраздняющаго основные элементы судебнаго правосудія. Послѣ этого было объявлено, что комиссариатъ юстиціи будетъ выработанъ свой декретъ, а затѣмъ дѣйствительно былъ присланъ, уже въ качествѣ *«legis latae»*, декреть о судѣ, выработанный Гамаюномъ. Въ декретѣ этомъ, за небольшими исключеніями, изложено было собственными словами то, что имѣлось и въ декретѣ московскомъ. Отступленіемъ отъ московского декрета являлось то, что прокурорскій надзоръ упразднялся, но прокуроръ декретомъ сохранялся. Окружный судъ сообщилъ представителю комиссариата, что совѣщаніе судебныхъ дѣятелей уже высказалось за необходимости сохраненія судебныхъ уставовъ 1864 г. и полагаетъ, что было бы цѣлесообразнѣе просто упразднить судебныя мѣста, чѣмъ создавать суррогатъ правосудія, предлагаемый декретомъ. Послѣ этого Гамаюномъ было предложено пред-

съдателю суда отобрать отъ всѣхъ чивовъ суда подпиську, желають ли ови подчиниться декрету и предложить имъ подать персональные заявленія о желаніи служить совѣтской власти. За исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, никто такихъ заявлевій не подалъ въ указанный комиссаріатомъ срокъ. Срокъ былъ продлевъ, но заявлевій болѣе не поступало.

Гамаюнъ предложилъ управляющему казенной палатой не удовлетворять требовательныхъ вѣдомостей суда и мирового съѣзда, не скрѣпленныхъ его подписью, и закрылъ оплату содержанія административному и регистраціонному отдѣленіямъ суда, какъ упраздненнымъ декретомъ совѣтской власти.

Въ маѣ поступила въ судъ бумага совварткома о воспрещеніи предсъдателю, прокурору и членамъ суда посѣщать тюрьму, вскорѣ былъ арестованъ тов. прокурора Н. А. Русавовъ, но по моему требованію былъ освобожденъ, а затѣмъ, нѣсколько дней спустя, ночью былъ арестованъ и я.

Свообразный симбіозъ существовалъ у совѣтской власти съ органами ставропольского городского самоуправленія. Круто расправившись съ земствомъ, совнаркомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ не восягалъ на существованіе Ставропольской Городской Думы, которая въ первые же дни провозглашенія совѣтской власти обратилась къ населенію съ печатнымъ приглашеніемъ не признавать власти захватчиковъ и затѣмъ не упускала случая демонстрировать это отвращеніе въ каждомъ своемъ засѣданіи.

Отдельныя лица изъ большевистской молодежи дѣлали попытки сорвать думскія засѣданія, но онѣ кончались обычно не безъ ущерба для престижа этихъ же лицъ. Такая попытка прекратить вольнодуміе гласныхъ была сдѣлана прапорщикомъ Сохацкимъ, пріобрѣтшимъ затѣмъ извѣстность своимъ неудавшимся походомъ на ген. Корнилова. Явившись въ думское засѣданіе съ группой солдатъ, онъ громко анонсировалъ свое намѣреніе сорвать думское засѣданіе, если на немъ будетъ допущена критика дѣйствій совѣтской власти.

Во время думскаго засѣданія онъ сидѣлъ въ фуражкѣ, щелкалъ подсолнухи и громко разговаривалъ. Прервавъ засѣданіе, я обратилъ вниманіе гласныхъ, что въ залѣ засѣданія присутствуютъ лица, повидимому не отдающія себѣ отчета, гдѣ они находятся, и мѣшающія нормальному ходу занятій. Мяѣ остается просить ихъ покинуть залу засѣданія.

— Господинъ Сохацкій, я имѣю въ виду васъ и вашихъ товарищѣй.

Сохацкій быстро поднялся съ своего мѣста и двинулся по направлению къ столу, гдѣ я сидѣлъ. Я въ свою очередь вышелъ изъ-за стола навстрѣчу ему и, показывая рукой на дверь, почти крикнулъ:

— Выходная дверь тамъ, г. Сохацкій.

Онъ нѣсколько мгновеній поколебался, затѣмъ круто повернулся, бросилъ изъ ходу фразу, смыслъ которой былъ, что это мнѣ такъ не пройдетъ, и быстро вышелъ изъ залы засѣданій, а за нимъ и его военная группа товарищѣй.

Отвѣтственное порученіе «ликвидировать» ген. Корнилова и его армію, при выходѣ ея изъ Ростова, вѣроятно, поглотило изъ его памяти этотъ незначительный эпизодъ и никакихъ встрѣчъ и разговоровъ съ Сохацкимъ у меня уже болѣе не было. Провожали Сохацкаго и его отрядъ въ этотъ походъ очень торжественно, съ освященіемъ знаменъ, нарадомъ и рѣчами у помѣщенія совнаркома, но изъ похода вернулся этотъ Мальбрукъ очень сконфуженнымъ, а затѣмъ былъ преданъ военно-революціонному трибуналу по обвиненію въ томъ, что, увлекшись грабежомъ изъ Батайскѣ, прорвались въ своей арміей вы-

ходъ генерала Корнилова изъ Ростова. Въ срединѣ марта было объявлено о предполагающейся замѣпѣ органовъ городского самоуправлениія муниципальныи совѣтомъ и совѣту депутатовъ предложено было намѣтить составъ муниципальнаго совѣта. Подавляющее число намѣченныхъ кандидатовъ было совершенно неизвѣстными населенію лицами и поэтому ихъ предварительно рекомендовали собранію, причемъ рекомендациѣ эта иногда буквально сводилась къ слѣдующему:

— Предлагаю товарища Хорошеву. Она хоть очень молода, но за послѣдніе мѣсяцы полѣвѣла, перейдя отъ меньшевиковъ сначала въ интернаціоналисты, а потомъ въ большевики, и будетъ полезна населенію.

Или такъ: предлагаю товарища Рашина, хотя онъ по профессіи часовщикъ, но очень преданъ совѣтской власти . . .

Въ срединѣ марта послѣдовалъ декретъ объ упраздненіи органовъ городскаго самоуправлениія и о замѣнѣ ихъ муниципальныи совѣтомъ. Вслѣдъ за этимъ въ городскую управу, въ сопрѣжденіи военнаго отряда, явился помощникъ коменданта К. С. Бѣлецкій и потребовалъ отъ городской управы сдачи дѣлъ и цѣнностей. Городская управа отказалась это выполнить и составъ ея былъ объявленъ арестованымъ. Меня увѣдомили объ этомъ по телефону и я, какъ предсѣдатель думы, а затѣмъ и старѣйшины думскихъ фракцій явились въ помѣщеніе управы и предложили присоединить наше къ составу управы. Арестъ нашъ продолжался до вечера, когда послѣдовало распоряженіе о наложеніи печатей къ кассѣ и помѣщенію управы и обѣ удаленіи управы изъ помѣщенія. Присутствующими былъ составленъ актъ о насильственномъ захватѣ дѣлъ и имущества и указано, что въ ближайшіе дни все это будетъ доложено экстренному собранію думы. Въ отвѣтъ на это было объявлено, что засѣданіе упраздненной думы не можетъ состояться и стражъ, находящаяся у помѣщенія думы, отдано предписаніе ни въ коемъ случаѣ не допускать собранія гласныхъ.

Тѣмъ не менѣе въ воскресенье, 25 марта, состоялось предпослѣднєе засѣданіе думы. Явившись въ думскій залъ въ составѣ значительно превышающемъ обычный кворумъ, гласные заняли свои мѣста, и засѣданіе было открыто докладомъ управы о произошедшемъ захватѣ имущества. Въ срединѣ этого доклада въ залу, запыхавшись, вбѣжалъ въ сопровожденіи солдатъ членъ исполнительного комитета Лупандинъ и потребовалъ прекращенія засѣданія.

На вопросъ, кѣмъ онъ уполномоченъ для закрытия думскаго засѣданія, Лупандинъ предъявилъ свою фотографическую карточку съ надписью на оборотѣ, что предъявитель — членъ исполнительного комитета, — а, когда ему было указано, что этого еще недостаточно, онъ быстро вышелъ и вѣкоторое время спустя явился въ сопровожденіи значительной группы вооруженныхъ солдатъ, часть которыхъ была въ состояніи явнаго опьяненія. Началась тяжелая сцена прицѣла въ гласныхъ, щелкалья ружейными затворами, замахиванія прикладами и штыками, причемъ состояніе явнаго опьяненія нѣкоторыхъ изъ солдатъ создавало реальную угрозу роковыхъ случайностей.

При крайне напряженномъ первомъ состояніи былъ объявленъ перерывъ думскаго засѣданія, и слѣдующее собраніе гласныхъ происходило уже въ помѣщеніи городской библіотеки. На этомъ послѣднемъ, въ періодъ владычества большевиковъ, засѣданіи былъ выработанъ текстъ обращенія думы къ городскому населенію и рѣшено было пріостановить работу органовъ городскаго самоуправлениія до болѣе благопріятнаго времени.

Возобновлена была дѣятельность этихъ органовъ лишь въ юлѣ 1918 г. по вступлениіи въ Ставрополь отряда Добровольческой Арміи.

Посвящая эти строки описанію короткаго существованія Ставропольской городской думы, я не могу не упомянуть двухъ именъ: стойкаго и благороднаго лидера кадетской фракціи въ думѣ, товарища предсѣдателя думы Л. С. Миркина, погибшаго отъ сыпного тифа на врачебномъ посту при обслуживаніи лазаретовъ Добровольческой Арміи, и А. А. Чернышева, лидера умѣреннаго крыла фракціи с.-р., педагога-народника, отдававшаго почти все свое время и трудъ популярнымъ бесѣдамъ съ окраиннымъ населеніемъ. Онъ палъ одной изъ первыхъ жертвъ звѣрства большевиковъ. Судебно-медицинскій актъ установилъ свыше тридцати ранъ прижизненнаго происходженія. И даже послѣ его мученической смерти жестокая толпа окраинныхъ бабъ пыталась выбросить изъ гроба его изуродованное тѣло, когда, отыскавъ трупъ, вдова и дочь А. А. Чернышева везли его потаенно на кладбище.

Таковъ, быть можетъ, суровый рокъ и всей русской интеллигентіи . . .

XII

«Мирное житіе» совѣтской власти. Симптомы разложенія казачества. Насыщеніе губерній разложившимися частями. Борьба съ крестьянами. Инструктора изъ центра. Два Коппэ. Эпизодъ съ Петербургскимъ градоначальникомъ ген. Балкомъ. Заложники. Встрѣча съ матросами. Столкновеніе съ Вальяно. Гудушки Головлевы. Арестъ предсѣдателя Совнаркома Пономарева и военного комиссара Мирошниченко.

Сравнительно «мирное житіе» въ первые два мѣсяца существованія въ Ставропольской губерніи совѣтской власти находило себѣ объясненіе въ особенностяхъ быта зажиточнаго крестьянства и территоріального положенія губерніи, окруженнѣй со всѣхъ сторонъ войсковыми землями Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачествъ.

Казалось, при такихъ условіяхъ, сами большевики, оторванные отъ центра, не вѣрили въ длительность своего существованія и старались быть скромными, поскольку это позволяло положеніе неопытнаго сѣдока на неосѣданной взбѣшившейся лошади.

По убийство въ срединѣ декабря 1917 г. на станціи Прохладной Терскаго атамана М. А. Карапулова, безболѣзенный разгонъ Учредительного Собрания въ январѣ 1918 г., выстрѣль, положившій 28 января конецъ благородной жизни Донскаго атамана А. М. Каледина, уходъ въ почью на 9 февраля въ неизвѣстномъ направлениі арміи ген. Корнилова, запаяніе 11 февраля болыпевиствующими казаками Голубова столицы Дона, уходъ, наконецъ, объединеннаго Кубанскаго правительства и законодательной рады изъ Екатериодара въ походномъ порядкѣ, — все это укрѣпляло временные позиціи большевиковъ и вливало новую энергию въ ихъ стремленіе во что бы то ни стало удержаться у власти.

Ноинять еще въ концѣ 1917 г., какую роль могла бы сыграть по своему географическому положенію Ставропольская губернія, являющаяся тыловымъ центромъ четырехъ казачьихъ областей, большевики приложили всѣ усилия, чтобы направить имѣніе туда большевистскія части съ Кавказскаго и другихъ фронтовъ и создать изъ зажиточной губерніи вулканъ, лава котораго распылялась бы и на смежныя казачьи земли.

И въ этомъ отношеніи недальновидно помогли намъреню большевиковъ сами казаки, проталкивая со всѣхъ сторонъ, какъ къ мѣсту свалки, въ Ставропольскую губернію, разложившіяся воинскія части и въ томъ числѣ пресловутую 39 дивизію, расположившуюся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ Ставропольской губерніи.

Уже въ декабрѣ 1917 г. на территоріи губерніи почти одновременно съ районами Царицына и Грознаго изъ войскового состава Кавказскаго фронта начали формироваться большевистскія силы, власти которыхъ было отдано безоружное населеніе губерніи, непріемлющее большевизма, какъ такового, добровольно. Что крестьянское населеніе губерніи не склонно было отдаться не за страхъ, а за совѣсть въ руки воинствующаго большевизма, можно заключить хотя бы изъ эпизода, когда «малая коллегія» большевиковъ приуждена была окружить помѣщеніе мартовскаго—апрѣльскаго съѣзда совѣтовъ артиллеріей, чтобы добиться отъ съѣзда согласія на формирование красной арміи. И эта сессія совѣтскихъ съѣздовъ, кажется, явилась гранью, вскрывшей для крестьянъ всю тяготу владычества большевиковъ.

Въ пѣкоторыхъ сёлахъ, какъ, напримѣръ, въ Вороцово-Александровскомъ, проходили самыя настоящія сраженія между крестьянскими совдепами и коммунистическими ячейками, результатомъ которыхъ являлись многочисленныя потери убитыми и ранеными съ той и другой стороны.

Кое-гдѣ начали организовываться партизанскіе отряды камышаниковъ, доставлявшіе много хлопотъ большевикамъ.

Разгульное, безхозяйственное поведеніе сельскихъ владыкъ-комиссаровъ не могло не вызывать возмущенія у степенныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ, а такихъ въ губерніи было около 90%, — особенно опыты съ хищническимъ разбазариваніемъ культурныхъ племенныхъ разсадниковъ, въ результатѣ своемъ погубившимъ въ губерніи около 500 000 тонкорунныхъ мериносовыхъ овецъ на Старо-Зармутинской и Удѣльной степи.

Безсильное передъ вооруженной пришлой солдатчиной, коренное крестьянство, стиснувъ зѣбы, принуждено было терпѣливо ожидать конца этой напасти и жило прорывавшимися слухами о приближеніи легендарной, призрачной, крестоносной арміи, свершающей медленно, шагъ за шагомъ, свой побѣдоносный путь.

Условія, характеризовавшія положеніе совѣтской власти въ Ставропольской губерніи, не могли не внушать опасенія московскимъ политикамъ и канцлерамъ большевизма, и въ Ставропольскую губернію были направлены инструктора, на обязанности которыхъ лежало привести губернію въ надлежащей видѣ.

Таинственно прибыли и поселились въ Ставрополѣ Кошэ-отецъ и Кошэсынъ, сорганизовавшіе вокругъ себя такъ называемую «малую коллегію», являвшуюся въ то же время и штабомъ красной арміи.

Очень характерно, что однимъ изъ первыхъ получилъ приглашеніе явиться въ этотъ штабъ потаенно проживавшій въ Ставрополѣ ген. Балкъ, бывшій Петербургскій градоначальникъ.

Перепуганный на смерть генералъ, къ своему удивленію, встрѣтилъ тамъ совершенно неожиданный предупредительный пріемъ.

— Ваша фамилія, спросили его.

— Балкъ!

— Генералъ Балкъ? Пожалуйте, Ваше превосходительство, вѣнч очередь, васъ давно ждутъ.

Въ кабинетѣ Коппэ-отецъ предложилъ ген. Балку занять постъ завѣдующаго оперативнымъ отдѣломъ красной арміи и генералу пришлось притвориться совершенно утратившимъ слухъ, чтобы избѣжать этого назначенія. Вскорѣ на этотъ постъ былъ назначенъ ген. С. И. Рудневъ, впослѣдствіи командовавшій отрядомъ Добровольческой Арміи въ Дагестанѣ и казненый большевиками въ Баку.

Вмѣстѣ съ Коппѣ въ Ставрополь просочилась значительная группа матросовъ, приступившая къ формированию батальона съ универсальнымъ названіемъ: конно-горно-морской.

Но главная работа матросовъ шла въ другой области. Въ поискахъ средствъ на существованіе, матросы, подъ видомъ карательныхъ экспедицій, совершали экспроприаторскіе набѣги и неустанно агитировали за необходимость устроить зажиточной буржуазіи «генеральный эксъ». Подъ вліяніемъ этой агитации совнаркомъ наложилъ на населеніе города, въ лицѣ зажиточныхъ классовъ, много-милліонную контрибуцію и до ея взноса заключилъ подъ стражу 80 заложниковъ.

Но напуганный развитіемъ дѣятельности конно-горно-морского батальона, составившаго для «генерального экса» распределеніе города по кварталамъ, совнаркомъ впезапно арестовалъ главарей матросовъ и препроводилъ ихъ въ тюрьму для исключительно бдительного содержанія подъ стражей.

Одновременно была организована чрезвычайная слѣдственная комиссія съ М. Вальяно во главѣ, приступившая къ обслѣдованію дѣятельности вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Однажды, при обходѣ мною тюрьмы, я зашелъ въ камеру, гдѣ содержались матросы и задалъ имъ обычный вопросъ, не имѣютъ ли они просьбы, жалобъ или заявлений. Матросъ Игнатьевъ, обладавший свирѣпой варужностью Малюты Скуратова, въ свою очередь спросилъ меня, на какомъ основаніи ихъ содержать въ тюрьмѣ хуже каторжниковъ, — безъ права свиданій, какихъ бы то ни было передачъ, прогулокъ и проч.

— За кѣмъ они числятся, — спросилъ я сопровождавшаго меня начальника тюрьмы.

— За чрезвычайной слѣдственной комиссіей совѣта народныхъ комиссаровъ.

— Видите, вашъ режимъ не отъ меня зависитъ, сказалъ я и спросилъ, пѣть ли еще какихъ вопросовъ.

— Спросить, что ли? — обратился Игнатьевъ къ товарищамъ. — Г. Прокуроръ у насъ сомнѣніе: отмѣнена или не отмѣнена смертная казнь.

Я разъяснилъ, что на фронѣ смертная казнь возстановлена, а въ тылу при Временномъ Правительствѣ не примѣнялась. Но это при Временномъ Правительствѣ, — оговорился я.

— Все равно. Значить, насъ зря пугаютъ.

По выходѣ изъ камеры матросовъ я встрѣтилъ въ тюремномъ коридорѣ предсѣдательницу чрезвычайной комиссіи Вальяно, спросившую меня, на какомъ основаніи я былъ усовершенно секретныхъ преступниковъ.

Послѣ моего указания, что для контроля прокурора не можетъ быть замковъ на камерахъ заключенныхъ, Вальяно что-то хотѣла возразить, но я прервалъ ее, указавъ, что исключительно въ тюремномъ коридорѣ, въ присутствіи тюремной стражи и слушающихъ изъ камеръ арестантовъ, вести диспутъ, что тюрьма прежде всего нуждается въ строгой дисциплинѣ, просилъ Вальяно пройти со мной въ тюремную контору, но Вальяно отказалась, заявивъ, что мною будетъ получена по этому вопросу особая бумага совнаркома.

Въ результатѣ этой встречи и появилась въ судѣ бумага сознаркома о воспрещеніи посѣщать тюрьму прокурору, «предсѣдателю и членамъ суда».

Но такъ какъ въ тюрьмѣ въ это время содержались заложники и цѣлый рядъ арестованныхъ большевиками военныхъ, въ томъ числѣ и воинскій начальникъ А. А. Навроцкій, я, опасаясь, какъ бы падъ ими не было учинено какое-либо насилие, старался ежедневно посѣщать тюрьму, контролируя тюремную администрацію, чтобы большевистскій караулъ внутрь тюремныхъ коридоровъ не допускался и чтобы внутреннее охрануливало камерь неслось исключительно тюремной стражей.

Къ чести тогдашняго начальника тюрьмы, умершаго затѣмъ отъ сыпного тифа, С. З. Дейниковскаго, слѣдуетъ отмѣтить, что ни одного случая насилия въ тюрьмѣ имъ допущено не было, но но иъ его власти было предотвратить избіеніе офицеровъ у стѣнъ тюрьмы во время офицерскаго возстанія.

Содержавшіеся въ тюрьмѣ заложники набирались большевиками главнымъ образомъ по признаку зажиточности. Были среди вихъ чиновники, купцы, землевладѣльцы и, числевно значительная, группа студенческой молодежи. Большинство заложниковъ держалось бодро, по нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ пали духомъ, тѣмъ болѣе, что до тюрьмы стали доходить слухи о готовящихся матросами разстрѣлахъ.

Въ одпо изъ такихъ посѣщеній, начальникъ мѣстнаго управлениія земледѣлія А. А. Польский пожаловался мнѣ, что мѣстный присяжный повѣренный Н. Г. Левицкій, гласный городской думы и членъ группы к.-д., позволяетъ себѣ играть на нервахъ заложниковъ, и безъ того взвинченныхъ. Временами онъ разъезжаетъ вокругъ тюрьмы въ экипажѣ съ солдатами и матросами, играющими на гармоникѣ похоронный маршъ, крича при этомъ:

— Это мы васъ, буржуевъ, отпѣваемъ!

Я, было, не повѣрилъ этому, но почти въ тотъ же моментъ снизу раздался пьяный голосъ, кричавшій.

— Что попили кровушки, буржуи? Я бы васъ еще не такъ гноилъ, кровопийцы . . .

Къ моему удивленію это оказался все тотъ же Левицкій, удаленный затѣмъ по моему требованію изъ-подъ стѣнъ тюрьмы.

Черезъ день я былъ очевидцемъ еще одного выступленія г. Левицкаго на собраніи родственниковъ заложниковъ въ лѣтнемъ помѣщениіи коммерческаго клуба. Передъ собраніемъ онъ вынивалъ съ матросами, добывая средства на папитки путемъ «контрибуціи», взимавшейся матросами съ лицъ, на которыхъ указывалъ Левицкій.

Когда началось собраніе, въ залу ворвались матросы и подъ одобряющіе возгласы Левицкаго стали разгонять собравшихся, угрожая насилиемъ. Явившійся патруль красноармейцевъ удалилъ буяновъ и арестовалъ, было, Левицкаго, по потомъ его выпустилъ. О дѣйствіяхъ г. Левицкаго я довелъ до свѣдѣнія Ставронольской адвокатуры, не напечатанной для г. Левицкаго ничего болѣе достойнаго, какъ поставить на видъ его поведеніе.

Это «поведеніе» не помѣщало г. Левицкому позднѣе, при появленіи въ городѣ Добровольческой Арміи, заниматься чтеніемъ въ сердцахъ иако мыслящихъ общественныхъ дѣятелей, достаточно ли благонадежно они настроены по отношенію къ мѣстнымъ щедрипствующимъ генераламъ, и печатно улавливать «соціалистовъ» на предметъ ущемленія.

Не могу также не отмѣтить и «поведенія» тогдашняго начальника городской милиціи, В. Е. Гнаденберга, прошедшаго на эту должность изъ судебнаго вѣдомства. Онъ сыгралъ отвратительную трусливую роль попустителя при самосудѣ толпы около полиціи надъ содержавшимися тамъ арестантами, предполагавшимися участниками грабежа и изнасилованія. Характеръ же пониманія имъ своихъ обязанностей ярко выразился въ слѣдующемъ эпизодѣ.

До меня дошли свѣдѣнія, что въ помѣщениіи полицейской кордегардіи содержится въ отвратительныхъ условіяхъ туберкулезный студентъ, задержанный рабочими завода Шмидта, какъ «подозрѣваемый контрь-революціонеръ». Явившись въ полицію, я дѣйствительно нашелъ тамъ въ каморкѣ, лишенной дневного свѣта, въ сообществѣ задержанныхъ пьяныхъ, истощеннаго студента, заявившаго мнѣ, что онъ лишенъ и права прогулокъ. Въ документѣ его ареста значилось, что онъ препровождается для содержанія подъ строгимъ арестомъ, какъ задержанный рабочими по подозрѣнію въ контрь-революціи.

Я потребовалъ явки ко мнѣ Начальника Милиціи, но г. Гнаденбергъ уклонился отъ этого, а въ отвѣтъ на мое письменное постановленіе о немедленномъ освобожденіи студента, сообщилъ мнѣ, что студентъ по распоряженію совнаркома уже переведенъ въ тюрьму.

Таковы не переводящіе ни при какомъ режимѣ Гудушки Головлевы современного образца.

Столкновеніе съ Левицкимъ, Вальяно и Гнаденбергомъ въ значительной степени способствовало тому, что въ дальнѣйшемъ рабоче-солдатскіе патрули уже физической силой преграждали мнѣ доступъ въ тюрьму. Къ счастью, вскорѣ заложники были освобождены изъ тюрьмы и значительная тяжесть отвѣтственности, хотя и невольной, за участіе пребывавшихъ въ тюрьмѣ заключенныхъ свалилась съ моей души.

Но въ ближайшіе дни произошелъ въ совѣтскихъ верхахъ сдвигъ, показавшій осколеніе лицо подлиннаго актуальнаго большевизма.

Первыми симптомами сдвига явились арестъ по ордеру предсѣдателя губ. исп. комитета Вдовенко предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономарева и военного комиссара Мирошинченко, а затѣмъ освобожденіе изъ тюрьмы матросовъ, — вожаковъ конно-горно-морского батальона.

Правда, и Пономаревъ, и Мирошинченко скоро были возстановлены въ правахъ, но они предпочли скрыться и болѣе къ власти не возвращаться, освобожденіе же матросовъ изъ тюрьмы было чревато исключительными послѣдствіями.

XIII

Начало террора. Казнь А. А. Чернышева и Мачкаиныхъ — отца и сына. Мое заявленіе совнаркому. Мой арестъ. Политический комиссарь Воронинъ. Ночь въ комендатурѣ. Эпизодъ съ католическимъ священникомъ. Освобожденіе. Похороны матроса Якинина. Бѣгство.

Освобожденіе матросовъ произошло какъ-то внезапно, въ отсутствіе комиссара юстиціи Гамаюна и, кажется, предсѣдательницы чрезвычайной слѣдственной комиссіи Вальяно. Выпущенные изъ тюрьмы матросы чуть ли не въ тотъ же вечеръ собрали многолюдный митингъ, на которомъ прошли разработанный ими раиѣ планъ кроваваго похода на городское зажиточное населеніе.

По этому плану городъ былъ разбитъ на кварталы и каждый кварталъ былъ ввѣренъ попеченію карательного отряда съ руководителемъ изъ матросовъ во главѣ. Карательнымъ отрядамъ было поручено произвести повальные обыски во всѣхъ квартирахъ и, въ случаѣ нахожденія въ квартирѣ оружія, значительныхъ запасовъ питанія или при основаніи заподозрѣть кого-либо изъ живущихъ въ квартирѣ въ активной контрѣ-революціонности, начальникамъ карательныхъ отрядовъ предоставлялось право уничтожать виновныхъ на мѣстѣ ихъ пребыванія.

Я не знаю точно, санкционированъ ли былъ этотъ планъ повальныхъ грабежей и убийствъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ и губернскимъ комитетомъ, но фактъ тотъ, что въ самомъ скромъ времени населенію было объявлено о воспрещеніи послѣ извѣстнаго часа выходить на улицу подъ угрозой разстрѣла, появились на улицахъ тяжелые аутогрузовики, украшенные черными флагами, и начались обыски и аресты, сопровождаемые по ночамъ ружейной и револьверной пальбой.

Настало жуткое время для гор. Ставрополя. Изъ устъ передавались свѣдѣнія о произведенныхъ за ночь арестахъ, грабежахъ и разстрѣлахъ. Громыхали переполненные матросами грузовики съ чѣмъ-то, прикрытымъ брезентами. Жители квартиръ съ ужасомъ ожидали появленія карательного отряда.

Однимъ изъ первыхъ былъ арестованъ Андрей Андреевичъ Чернышевъ, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ выше, и бывшій Ставропольскій предводитель дворянства, 80-лѣтій ген. П. С. Мачканинъ. Сначала и мнѣ, и родственникамъ ихъ удавалось устанавливать часто мѣнявшіяся мѣста ихъ заключенія, но потомъ отъ А. А. Чернышева была получена черезъ случайного посредника записка, что его начали пытать и мучить и объявили, что завтра казнить.

Какъ-то не вѣрилось, что исключительно популярный на окраинахъ лекторъ, любимый педагогъ и учитель, между прочимъ, Маріп Вальяно, безсмѣшный гласный демократической думы, а съ другой стороны престарѣлый восьмидесятилѣтній П. С. Мачканинъ могутъ пасть жертвами кроваваго разгула матросовъ. Я утѣшалъ приходившихъ ко мнѣ родственниковъ ихъ, мучился самъ трагедіей моего безсилія, но искренно не вѣрилъ въ возможность ихъ мученической смерти.

Какъ вдругъ, однажды, на мой телефонный вопросъ члену слѣдственной комиссіи Амурь-Санану, я получилъ отвѣтъ, что они оба казнены. Вскорѣ затѣмъ Амурь-Сананъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я теперь не помню, да едва ли и тогда давалъ себѣ отчетъ, что я ему говорилъ, но только помню, какъ онъ рыдалъ, закрывши лицо руками, клялся въ невиновности въ этой крови, а потомъ какъ-то бокомъ выскользнулъ изъ моего кабинета.

Въ состояніи сильнѣйшей экзальтациіи я сейчасъ же написалъ отъ руки и послалъ совнаркому заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Вотъ уже нѣсколько дней какъ по городу идутъ повальные грабежи и аресты мирныхъ горожанъ Ставрополя, и совѣтская власть не принимаетъ никакихъ мѣръ къ обузданію грабителей и насильниковъ.

Мало того, ходятъ зловѣщіе слухи, что грабители присвоили себѣ обязанности безсудныхъ палачей и уже есть первые мученики ихъ разбойничьей расправы.

Предваряя совѣтъ народныхъ комиссаровъ, что мною предложено судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ немедленно приступить къ слѣдствію о творящихся массовыхъ насилияхъ и убийствахъ, какъ прокуроръ, я требую, чтобы

были приняты немедленныя и самыя решительная мѣры къ прекращенію творящихся преступлений, чтобы были арестованы и переданы въ распоряженіе мое виновные въ этихъ преступленіяхъ, и чтобы мнѣ и лицамъ прокурорскаго надзора былъ открытъ доступъ во всѣ мѣста заключенія для пронѣрки оснований содержанія подъ стражей лицъ, тамъ находящихся».

Только что я отправилъ это заявленіе, какъ мнѣ сообщили, что арестованъ и отправленъ въ комендатуру товарищъ прокурора, только что демобилизованный Н. А. Рusanовъ. Я послалъ требование коменданту немедленно освободить г. Рusanова для отправленія имъ передъ судомъ должностныхъ обязанностей и, къ моему удивленію, спустя некоторое время Н. А. Рusanовъ явился ко мнѣ въ кабинетъ.

Это придало мнѣ бодрости, но черезъ нѣсколько минутъ передо мною были измученные лица сына и дочери ген. Мачканина и жены и дочери А. А. Чернышева. Что я имъ могъ сказать?

Дѣти П. С. Мачканина спросили меня, могутъ ли они взять для погребенія трупъ отца. Я посовѣтовалъ имъ сдѣлать это осторожно и безъ огласки.

Давая этотъ совѣтъ, глядя въ измученные глаза Мачканина-сына, я не предвидѣлъ, что на другой день замученный трупъ этого юноши будетъ брошенъ на то самое мѣсто, откуда онъ осмѣлился взять для погребенія изуродованное тѣло своего отца.

Этотъ и послѣдующіе дни были какимъ-то сплошнымъ кошмаромъ. Отсюду, отъ милиціи, судебныхъ слѣдователей, отдѣльныхъ лицъ, поступали заявленія объ обнаруженныхъ ими трупахъ: бывшаго совѣтичика губ. правленія А. К. Барабаша, землевладѣльцевъ — отца и сына Жуковыхъ, бывшаго пристава Залѣскаго, уѣздиаго предводителя дворянства полк. Ивацова и т. д.

Наконецъ явился ко мнѣ съ перекошенымъ лицомъ молодой кандидатъ, исправлявшій обязанности судебнаго слѣдователя, и протянулъ мнѣ актъ судебноМедицинскаго осмотра тѣла несчастнаго А. А. Чернышева. Больше тридцати ранъ сабельныхъ, штыковыхъ и огнестрѣльныхъ обнаружено было на его тѣлѣ. Семья съ трудомъ узнавала останки, когда они были ей предъявлены для опознанія. Тутъ же слѣдователь рассказалъ мнѣ о звѣриной жестокости солдатскихъ бабъ, пытавшихся выбросить тѣло изъ гроба, когда семья увозила его изъ часовни для погребенія на кладбище.

Я ломалъ въ безсиліи руки и почти мечталъ о собственномъ арестѣ, какъ о выходѣ изъ создавшагося вокругъ меня кольца кошмарныхъ переживаний.

Наконецъ, наступила и мой чередъ. Въ ближайшую ночь — это было, кажется, 20 июня 1918 г., — раздался стукъ прикладами въ двери моей квартиры. Съ улицы вошла группа матросовъ, увѣнчанная, точно знаками отличия, пулеметными лентами. Предложивъ перепуганнымъ домашнимъ не трогаться съ мѣста, матросы назвали мое имя и задали вопросъ, имѣется ли у меня въ квартире какое-либо оружіе. Послѣ моего отрицательного отвѣта они приступили къ обыску. Они отложили и потомъ забрали съ собой имѣвшейся у меня папку губернаторскаго дома, где теперь размѣщался совпарткомъ, исправленную мною во время экскурсій карту окрестностей Эльбруса и тетрадь моихъ юношескихъ стихотворныхъ опытовъ.

При обыске въ дѣтской они нашли кремневый, художественной работы, пистолетъ, подаренный москому сыну пріятелемъ горцемъ при поѣзденіи нами его родного аула и, не стѣсняясь присутствиемъ моей семьи и дѣтей, тутъ же подняли споръ, признать или не признать этотъ пистолетъ оружіемъ. Я понималъ, что,

въ сущности, это споръ о моей жизни. Можетъ быть, инстинктивно понялъ это и мой маленький сынишка. Бросившись къ матросамъ, онъ просилъ, чтобы ему вернули его пистолеть.

— Это не папиль, а мой, не папъ, а мнѣ подариль его Тау-бій, отдайте пистолеть, требовалъ онъ.

Въ это время моя жена, узнавшая въ одномъ изъ матросовъ родственника Ф. М. Оникко — Воронина, шепнула мнѣ объ этомъ. Я отозвалъ Воронина въ сторону и спросилъ его, не известно ли ему, гдѣ въ настоящее время Ф. М. Оникко, пояснивъ, что меня съ Ф. М. Оникко связываютъ самыя тѣсныя узы дружбы.

— Позвольте, такъ вы будете тотъ самый, — онъ назвалъ мое имя и отчество, — о которомъ мнѣ говорилъ Федотъ Михайловичъ.

— Тотъ самый.

— Тогда не беспокойтесь, я постараюсь все уладить. Только первое условіе, не волнуйтесь, что бы вы ни увидѣли въ комендатурѣ.

— Ну, товарищи, идемте. А вы, обратился онъ ко мнѣ, — потрудитесь слѣдовать за нами.

Съ трудомъ оторвавшись отъ семьи, умолявшей матросовъ оставить меня въ квартирѣ до утра, я вышелъ въ сопровожденіи матросовъ на пустынную улицу. Было уже около 2 часовъ ночи. Воронинъ шелъ рядомъ со мною, остальные матросы сзади, о чёмъ-то не громко перешептываясь. Это меня нервировало, — я вспомнилъ описание многочисленныхъ нитковыхъ ранъ въ спину при осмотрѣ тѣла А. А. Чернышева.

Замѣтивъ это, Воронинъ заявилъ, что доставку меня въ комендатуру онъ беретъ на свою личную ответственность и предложилъ остальнымъ матросамъ идти впередъ.

По дорогѣ онъ мнѣ еще разъ обѣщалъ сдѣлать все, отъ него зависящее, чтобы меня не отправили въ Юнкерскій садъ *. Когда мы прибыли въ комендатуру и меня подвели къ столу, за которымъ, или върнѣе — на которомъ, сидѣли матросъ Игнатьевъ и комендантъ Промовендовъ, предсѣдатель тройки, въ которую входилъ и Воронинъ въ качествѣ политического комиссара, Игнатьевъ спросилъ Воронина, указывая на меня:

— Кто такой?

— Прокуроръ Красновъ.

Игнатьевъ взглянулъ въ меня и осклабился.

— А, господинъ прокуроръ, вотъ вы собирались судить «палачей», а теперь мы вѣсть будемъ судить. Только судъ у насъ скорый, но не милостивый.

Я просилъ дать мнѣ возможность сообщить семье, что я прибылъ въ комендатуру и тѣмъ ее успокоить.

— Это что за нѣжности, — ухмыльнулся Игнатьевъ, — когда мы сидѣли въ тюрьмѣ, вѣдь вы намъ не разрѣшили успокаивать по телефону наши семьи?

— Не беспокойтесь, я сообщу вашей семье, успѣлъ шепнуть мнѣ Воронинъ.

— Наши правила обращенія съ заключенными гуманнѣе во всякомъ случаѣ вашихъ. Извѣстно ли вамъ, спросилъ я Игнатьева, — что послѣ того, какъ я

* Въ этомъ огромномъ саду, выходящемъ своею длинной оградой на Базарную площадь впослѣдствіи было обнаружено около 70 труповъ казненныхъ за этотъ періодъ большевиками.

посѣтиль въ тюрьмѣ вашу камеру и отвѣтилъ на вопросъ вашъ, отмѣнена ли смертная казнь, мнѣ было воспрещено дальнѣйшее посѣщеніе тюремы.

— Кѣмъ воспрещено?

— Совѣтомъ пародныхъ комиссаровъ.

— А чѣмъ вы это подтвердите?

— Бумагой, официально присланной мнѣ.

— Она съ вами?

— Нѣть я не ношу съ собой своей канцеляріи.

— А когда вы ее мнѣ покажете?

— Когда вы меня освободите.

— Ишь, какой вы хитрый. Что у него нашли, — спросилъ Игнатьевъ вернувшагося Воронина.

Тотъ указалъ на свертокъ отобранныхъ у меня вещей. Какой-то незнакомый мнѣ господинъ, элегантно одѣтый, разсмотривалъ, вынувъ изъ свертка кремневый пистолетъ.

— Что хороша штучка, графъ? — спросилъ Игнатьевъ, — за этакія штучки можно и въ Юнкерскій прогуляться.

Я хотѣлъ было возразить Игнатьеву, но графъ* дотронулъся до моего рукава и съ оттенкомъ перусского акцента, медленно, какъ говорять иностранцы, произнесъ:

— Это совершенно музейная вещь, товарищъ Игнатьевъ, въ этихъ штукахъ я толкъ понимаю. А вамъ, — обратился онъ ко мнѣ, надо не забывать, что лучшее украшеніе мужчины — выдержка.

Воронинъ принесъ мнѣ стулъ и предложилъ сѣсть въ сторонѣ отъ стола, а самъ о чёмъ-то сталъ негромко говорить Игнатьеву.

— Ладво, — громко отвѣтилъ тотъ.

Проходя мимо меня, Воронинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами и, когда мы отошли, онъ сообщилъ мнѣ, что добился отъ Игнатьева обѣщанія, что меня до утра не выведутъ изъ помѣщенія комендатуры, — а тамъ видно будетъ, — добавилъ онъ.

Для меня настали томительныя минуты ожиданія. Въ комендатуру то и дѣло приводили новыхъ арестованныхъ. Привели моего родственника генерала Л. А. Рослякова, ген. М. П. Пышникова, полк. Пеньковскаго, пѣсколько офицеровъ, у которыхъ нашли погоны и оружіе, какихъ-то простолюдиновъ въ поддевкахъ. Игнатьевъ и Промовендовъ большую частью говорили съ арестованными повышеннымъ до крика голосомъ, стуча рукоятками револьверовъ по столу. Изрѣдка присоединялся къ нимъ приходившій и уходившій куда-то истощенный, неврастеническаго вида, субъектъ.

Уже утромъ ввели въ помѣщеніе комендатуры въ полномъ облаченіи католического ксендза и за нимъ ворвались въ помѣщеніе плачущія и кричащія женщины-католички, которыхъ красноармейцы пытались вытолкнуть изъ комендатуры.

Какъ выяснилось, ксендза арестовали во время совершившагося имъ богослуженія, — въ этотъ день былъ праздникъ «Божьяго тѣла» — и прямо отъ алтаря доставили въ комендатуру. Истощенный субъектъ, оказавшийся палачемъ — садистомъ Анихинымъ, внослѣдствіи повѣнчаніемъ по распоряженію ген. Ува-

* Потомъ мнѣ сообщили, что это титулованный пѣништій австрійскій офицеръ, служившій въ мѣстномъ штабѣ красной арміи. Внослѣдствіи, при Добровольческой Арміи, онъ умеръ отъ тифа въ Ставропольской тюрьмѣ.

рова, изстupленно, даже не кричалъ, а визжалъ, топая ногами, какъ это дѣлаютъ дѣти, и тыча въ священника дуломъ револьвера. Ему вторилъ арестовавшій ксендза полякъ-рабочій, впослѣдствіи кончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ.

Я не выдержалъ и подошелъ къ столу, сидя на которомъ Игнатьевъ и Промовендовъ равнодушно наблюдали эту изстupленную сцену.

— Послушайте, — обратился я къnimъ, — вѣдь самый злѣйший врагъ вашъ не могъ бы придумать болѣе вредной для васъ сцены. Подумайте, что потомъ будутъ говорить о васъ эти простыя, полныя религіознаго негодованія женщины.

— Будетъ, товарищи! — прекратилъ эту сцену Игнатьевъ.

Когда началось движение по улицѣ я увидѣлъ прильнувшими къ стеклу зеркального окна комендатуры лица моихъ дѣтей и жены, нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы и знакомыхъ.

Рискуя быть арестованымъ, къ Промовендову прорвался мой другъ — со-служивецъ по окружному суду и сталъ требовать объясненія основаній моего ареста.

Вскорѣ ушелъ Игнатьевъ, а затѣмъ куда-то вызвали по телефону Промовен-дова и онъ уѣхалъ на автомобиль. Вернувшись около 11 часовъ утра, онъ за-явилъ мнѣ, что я свободенъ, а потомъ объявилъ и всѣмъ арестованымъ пъ эту ночь:

— Идите домой — вы свободны.

Столкнувшись со мной въ выходныхъ дверяхъ Воронинъ спросилъ меня, не уводили ли кого-нибудь ночью изъ комендатуры.

— Нѣть, отвѣтилъ я.

— А генералы ушли одни или съ родственниками.

— Кажется, съ родственниками.

— Ну сегодня на рѣдкость счастливая ночь, сказалъ Воронинъ и потому добавилъ, повизивъ голосъ: а вы все-таки поскорѣе отсюда уѣзжайте.

Этому совѣту мнѣ пришлось, по настоянію семьи и друзей, незамедлительно послѣдовать.

Послѣднимъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ моей зрительной памяти передъ отѣздомъ изъ Ставрополя, было зрѣлище похоронъ матроса Якшина, убитаго на Медвѣженскомъ фронѣ въ бою съ добровольцами. Большевики пре-вратили эти похороны во внушительную манифестацію, открывавшуюся матрос-скимъ батальономъ, съ Игнатьевымъ во главѣ. Дальше громыхали грузовики съ установленными на вихѣ пулеметами, шло нѣсколько орудій артиллеріи, интер-національный батальонъ, кавалерійскій эскадронъ красноармейцевъ, рабочія дру-жины. Шествіе это, изобилующее красными и черными флагами съ изображеніями на нихъ эмблемами смерти замыкалось лафетомъ съ гробомъ убитаго, за которымъ, точно прикованные къ колесницѣ повелителя древніе рабы, шли представители различныхъ учрежденій и вѣдомствъ, обязанные особымъ распоряже-ніемъ принять участіе въ похоронахъ.

Въ ту же ночь въ Юнкерскомъ саду была принесена новая гекатомба мучени-ковъ, въ томъ числѣ освобожденные вмѣстѣ со мной наканунѣ ген. Росляковъ и полк. Пеньковскій.

Слѣдующее утро уже застало менѣ въ уединенной хибаркѣ садовладѣльца, на хуторкѣ, близъ селенія Петровскаго.

XIV

Призракъ возстанія. Неожиданная перестрѣлка въ лѣсу. Предварительная паника. Выступленіе офицеровъ. Неудача этого выступленія. Казнь полковника П. Ф. Ртищева. Усиление террора.

Весною 1918 г. въ Архіерейскомъ лѣсу красноармейскимъ дозоромъ была обнаружена военная палатка и въ ней пѣкоторое количество воинскаго оружія и снаряженія. Арестованные обитатели этой палатки, какъ большевики выяснили, оказались юнкерами и младшими офицерами.

Лѣсъ послѣ этого былъ пройденъ лавой красноармейцевъ и кромѣ того были произведены обыски и аресты на жилыхъ окраинахъ лѣса. Всего задержано было около 20 человѣкъ, въ томъ числѣ воинскій начальникъ А. А. Навроцкій и его дѣлопроизводитель, случайно находившіеся въ это время на окраинѣ города.

Съ тѣхъ поръ производились периодически облавы въ лѣсахъ, окружающихъ Ставрополь.

У большевиковъ зародилось подозрѣніе, что существуетъ организація, готовящая выступленіе противъ нихъ и страхъ передъ этимъ выступленіемъ, особенно, когда передъ Ставропольскою губерніей выросъ призракъ Добровольческой Арміи, все глубже укоренялся въ сердцахъ совѣтской власти.

При одной изъ облавъ, когда уже стемнѣло, въ лѣсу неожиданно раздалось «ура» и по красноармейцамъ захлопали винтовочные выстрѣлы. На другое утро создалась паника, развитію которой способствовала драка съ выстрѣлами, разгорѣвшаяся между двумя солдатами на базарѣ. Достаточно было кому-то крикнуть «идутъ казаки», какъ слова эти перекинулись во всѣ концы базара, оттуда на смежныя улицы, и докатились до совѣтскихъ учреждений и лазаретовъ.

На улицахъ началось необычайное оживленіе. Силой захватывались проѣзжающія подводы и экипажи, многие совѣтскіе служащіе бросились на базарь и тамъ обрывали въ крестьянской упряжи постремки, чтобы верхомъ найти спасеніе за чертой города.

Черезъ самое короткое время на улицахъ, падущихъ къ сельскому шляху, получились заторы, что попадобилось потомъ, когда начальство очнулось отъ испуга, много часовъ, чтобы ихъ распутать.

Паника эта довольно скоро улеглась, и разсерженная власть поторопилась издать суровый декрѣтъ, угрожающей всѣми доступными карами возможнымъ виновникамъ такого перенолоха въ будущемъ. По возможность и размѣры этого перенолоха показали, какъ силенъ былъ страхъ въ эти дни въ большевистскомъ сердцѣ передъ надвигающимся призракомъ Добровольческой Арміи и какъ не прочны корни совѣтской власти въ средѣ Ставропольского населенія.

Въ письмѣ римо бѣльшемъ размѣрѣ перенолохъ этотъ повторился, когда въ юлѣ того же года, совершившій по губерніи пролетъ, полк. Шкуро прислали большевикамъ спачала изъ сел. Кугульты трущъ повѣнчанаго восинаго комиссара Петрова, а потомъ изъ сел. Донскаго ультиматумъ: въ теченіе двухъ сутокъ покинуть городъ . . .

Начавшееся по почину матросовъ, понадыные обыски и массовые разстрѣлы имѣли, повидимому, одной изъ своихъ задачъ спровоцировать преждевременное выступленіе офицеровъ, ибо для многихъ изъ послѣднихъ не осталось и

хода: или погибнуть безоружными по одиночкѣ или, перейдя отъ обороны къ нападенію, испытать свою судьбу съ оружіемъ въ рукахъ*.

Получивъ приказъ собраться глубокою ночью въ оградѣ Варваринской церкви, офицеры должны были двинуться вверхъ тремя колоннами и по сигнальной ракетѣ внезапно обрушиться на красноармейскія казармы, штабъ красной арміи въ Европейской гостиницѣ и совѣтскіе центры. Но уже первоначальный подсчетъ силъ показалъ, что по зову приказа не явилась и десятая часть предполагаемаго количества участниковъ и это, конечно, не могло не отразиться на порывѣ выступавшихъ. Тѣмъ не менѣе выступленіе состоялось въ надеждѣ, что въ рѣшительный моментъ сдержитъ свое обѣщаніе интернациональный батальонъ, обѣщавшій офицерамъ поддержку, и дружины рабочихъ, обѣщавшія ее также.

Сначала офицерамъ сопутствовала удача. Они почти безболѣзенно захватили бывшія осетинскія казармы и находившіеся въ нихъ винтовки и пулеметы, но въ рѣшающій моментъ, когда надо было открыть пулеметный огонь, оказалось, что среди наличныхъ участниковъ возстанія нѣтъ достаточного числа пулеметчиковъ, кромѣ того наличныхъ силъ было слишкомъ недостаточно, чтобы обрушиться одновременно на всѣ памѣчные пункты.

Между тѣмъ красноармейскій штабъ успѣлъ стянуть всѣ наличныя силы, двинулъ грузовики съ пулеметами и преградилъ пути интернациональному батальону и рабочимъ дружинамъ для соединенія съ возставшими.

Когда разсвѣло, исходъ боевого выступленія сталъ очевиденъ. Небольшая группа участниковъ съ полковникомъ П. Ф. Ртищевымъ во главѣ отстрѣливалась, отступала къ лѣсу, значительная часть офицеровъ разсѣялась по городу, небольшая группа уничтожалась красноармейцами у стѣнъ тюрьмы.

На многихъ перекресткахъ и у самаго входа въ городской садъ долгое время лежали пеприбранными тѣла участниковъ выступленія.

Штабу организаціи удалось, отбиваясь, скрыться въ лѣсу, а оттуда въ пригородное село Татарку, но на другой день они были выданы пріютвшимъ ихъ мельникомъ. Часть офицеровъ была тутъ же перебита, а братья Ртищевы, какъ главари выступавшихъ, были привезены въ городъ и разстрѣляны на Ярмарочной площади.

Когда ихъ поставили у дороги и ружья были взяты за прицѣлъ, П. Ф. Ртищевъ, указывая на дорогу позади себя, сказалъ красноармейцамъ:

— Дурачье, поставьте къ стѣнкѣ, вѣдь сзади проѣзжая дорога...

Это были его послѣднія слова.

Трагедія этой неудачи усугублялась еще тѣмъ, что въ эту же ночь отрядъ Шкуро проходилъ въ 14 верстахъ отъ Ставрополя, по лицамъ, посланнымъ для установленія съ нимъ связи, были перехвачены большевиками.

Неудавшееся восстание послужило предлогомъ къ новой вспышкѣ усилившагося террора. Впослѣдствіи было зафиксировано 96 жертвъ, погибшихъ за этотъ періодъ въ Ставрополѣ, начиная отъ 13-лѣтняго подростка и кончая такими глубокими старцами, какъ П. С. Мачканинъ.

Но уже двѣ недѣли спустя матросы и ихъ комиссары, получивъ ультиматумъ Шкуро, сами бѣжали въ паникѣ изъ города, цѣлые отряды красноармейцевъ разоружались отдѣльными безоружными горожанами, а садистъ-палачъ Ашихинъ былъ схваченъ во время бѣгства и переданъ временному генералъ-губернатору Уварову окраинными мѣщанами.

* Выступленіе офицеровъ произошло 22 или 23 июня, когда я уже понинулъ городъ и подробности о немъ я знаю лишь по рассказамъ.

XV.

Тerrorъ въ губерніи. Очаги его. На калмыцкой территорії Больше-Дербетовскаго улуса. Оскверненіе буддійскихъ святынь и храмовъ. Насилія надъ женщинами. Застѣночъ Трунова въ сел. Терновскомъ. Въ селеніи Петровскомъ. На станціи Карамыкъ.

Изъ города терроръ перекинулся на уѣздную территорію. Производившееся позднѣе обслѣдованіе установило, что калмыцкая территорія Больше-Дербетовскаго улуса, село Безопасное, Петровское и станція Карамыкъ Прикумской желдор. были очагами наиболѣе жестокаго проявленія его.

Обѣхавъ Больше-Дербетовскій улусъ и ознакомившись съ разрушеніями, произведенными тамъ въ періодъ владычества большевизма, я получилъ впечатлѣніе, что, сознательно или инстинктивно, дѣлалась опредѣленная ставка на уничтоженіе этой народности.

Объясненіе этой новой попытки ликвидировать количественно и качественно не сильное племя калмыковъ слѣдуетъ искать тамъ же, откуда исходила и прежняя провокациѣ степныхъ народовъ къ выселенію въ срединѣ прошлаго столѣтія, то-есть въ желаніи завладѣть ихъ обширными и богатыми Приманычскими пастибящими.

Выше я уже имѣлъ случай указывать, что распределеніе $3\frac{1}{2}$ миллионовъ десятинъ земли между свыше, чѣмъ миллионнымъ, русскимъ крестьянствомъ губерніи и $1\frac{1}{2}$ миллионовъ десятинъ между пѣсколькими десятками тысячъ степныхъ народовъ давно уже порождало вожделѣнія окрестныхъ сель на почти дѣвственную Приманычскія преріи съ бродящими среди ковыля сайгаками* и полными вольной птицы Манычскими лиманами и болотами.

Учтя силу и давность этихъ вожделѣній, большевики со всей яростью обрушились на родовые** калмыцкіе хотоны***, уничтожая и самое населеніе и то, что у населенія было наиболѣе завѣтиаго, цѣннаго.

Въ одномъ изъ родовъ, осквернивъ храмъ, уничтоживъ и заливъ нечистотами изваянія Будды, изображенія на шелку Бурхановъ, священные книги и другіе предметы культа, съ такимъ трудомъ добываемые калмыками изъ Тибета, предводимая большевиками толпа, узапѣ, что въ оградѣ храма поконится чтимый буддистами ирахъ ламы, извлекла изъ могилы останки, разрубивъ и раздробивъ ихъ, выбросила кости на дорогу, въ могилу же зарыла зарубленную спину. А потомъ предъявила къ женщинаамъ патуральную новинность, причемъ нѣкоторымъ несчастнымъ послѣ изнасилованія были вырѣзаны половые органы.

Въ другомъ мѣстѣ я сфотографировалъ непелице сожженаго до тла со всею утварью и священными предметами храма.

Выѣхавъ наиболѣе богатый хуруль**** второго Багатуктунова рода, величественно возвышающейся своей причудливой буддійской архитектурой надъ Приманычскими степями, по внутріи храмъ представлялъ, въ сущности, усыпальницу богатаго когда-то подбора изваяніяхъ перевоплощений Будды и шелковыхъ

* Родъ южнаго олена.

** Калмыки якіиуть и носить название по родамъ: Ичининосъ родъ, 1-й Багатуктуновъ, 2-й Багатуктуновъ и т. д.

*** Населенные пункты.

**** Храмъ — соборъ.

полотнищъ-иконъ, изуродованныхъ разрывными выстрѣлами, прикладами, сабельными и штыковыми ударами. Здѣсь же среди груды разбитаго стекла валялись изрубленные церковные барабаны, маски, трубы и богослужебныя книги, перемѣшанныя съ конскимъ навозомъ.

Нѣкоторая изнанія, послѣ того, какъ надъ ними было испробовано большевистское оружіе, привязанныя сзади подводъ, волоклись по дорогамъ мимо населенныхъ пунктовъ, и затѣмъ были брошены въ степи съ обрубленными руками и изуродованными главами *.

Въ такой же мѣрѣ пострадали школы, читальни и общественные зданія улуса. Въ нихъ уничтожалась не только обстановка, книги и пособія, но сносились потолки, выламывались полы, оконные и дверные про свѣты.

Имущество частныхъ жилыхъ помѣщений и сами послѣднія такъ же безжалостно уничтожались и приводились въ негодное состояніе. Гурты краснаго калмыцкаго скота, косяки лошадей, отары овецъ или сводились съ территорій улуса или уничтожалась совершенно зря, безъ всякой нужды въ этомъ.

Но самую кровоточащую рану нанесло большевистское владычество самому калмыцкому народу, надругавшись надъ женщинами, квалифицированно жестоко казня духовныхъ лицъ, избивая населеніе, уродуя подростковъ.

Ко мнѣ приводили дѣтишекъ съ отрѣзанными ушами съ испорченныемъ на всю жизнь слухомъ или зрѣніемъ. Многія женщины послѣ произведеній надъ ними насилий утратили возможность материнства, а нѣкоторая изъ нихъ остались калѣками послѣ произведенной надъ ними чудовищной операциі ...

Единственнымъ пунктомъ, капризомъ рока уцѣльвшимъ послѣ большевистскаго самума, было административное мѣстечко улуса, живописное урошище Башанта, былая резиденція послѣдняго калмыцкаго нойона М. М. Гагаева **, прахъ котораго поконится у дороги при вѣзде въ урошице.

Буддійский символъ, — протянутая къ небу длань, — его надгробного памятника точно просить у неба хоть немногого милосердія для остатковъ этого израненного физически и духовно замученного племени ...

Не меньшее, если не большее количество жертвъ, чѣмъ нѣ Ставрополѣ было зафиксировано обслѣдованіемъ въ Безопасномъ, большомъ селѣ Ставропольского уѣзда.

Тамъ правилъ судь и расправу «товарищъ» Труновъ, ипослѣдствіи командовавшій отрядомъ Красной Арміи.

Избравъ своимъ застѣвкомъ сельскую тюрьму села Терновскаго, Труновъ вызывалъ въ коридоръ приводимыхъ изъ окрестныхъ селъ арестованныхъ и бѣсѣда его съ арестованными сводилась къ одной и той же стереотипной фразѣ: — Покажь руку! Раздѣль!

* Во время посѣщенія Больше-Дербетовскаго улуса я имѣлъ возможность собрать тамъ значительное количество изваяній и другихъ предметовъ буддійского культа, поруганныхъ большевиками. Коллекція эта была доставлена въ Ростовъ и выставлена для обозрѣнія. О дальнѣйшей судьбѣ ея мнѣ въ точности неизвѣстно. Кажется, она погибла при эвакуаціи Ростова.

** Владѣтельнаго калмыцкаго князя, разведшаго лѣсныя насажденія въ Улусѣ и пользовавшаго среди кальмыковъ болѣшимъ почетомъ. Задолго до революціи онъ погибъ въ Ростовѣ на Дону отъ случайного выстрѣла, перебившаго ему артерію. Не перевязанный, до прибытія врача, онъ умеръ, истекая кровью.

Съ узника срывали одежду, толкали къ выходу, тамъ подхватывали на штыки и выбрасывали тѣло въ ямы, сохранившія познаніе «чумного база» послѣ чумной эпидеміи ва рогатомъ скотъ.

Случайно спасшійся узникъ этого застѣвка разсказывалъ мнѣ, что упившійся Труновъ, въ одну изъ ночей, вдругъ, вспомнивъ что-то, приказалъ позвать свою жену. Когда она вошла и стала выговаривать мужу, не стѣсняясь въ выраженияхъ, за то, что ее подняли съ постели, Труновъ бросилъ свою сакраментальную фразу:

— Раздѣть!

Жена боролась, бросалась на мужа, и долго сотрудники Трунова не могли совладать съ нею.

Чѣмъ этотъ эпизодъ кончился, разсказывавшій не зналъ, ибо раздавшаяся внезапно въ селѣ тревога и суматоха въ тюрьмѣ, дали ему возможность скрыться изъ застѣвка.

Въ селѣ Безопасномъ погибъ мученической смертью священникъ, пользо- вавшийся общимъ уваженіемъ крестьянъ, котораго сами мѣстные большевики охраняли, увѣряя, что ови не допустятъ какого-либо лиха надъ батюшкой. Это же помѣщало потомъ имъ же схватить священника, возить его по селу на подводѣ, полной упившимися парнями и бабами и подъ звуки гармоники оповѣщать прохожихъ, что сейчасъ «по батѣ некому будетъ служить панихиды». На утро трупъ священника былъ найденъ его семьей среди другихъ многочисленныхъ жертвъ на «чумномъ базѣ».

Вдова мѣстнаго дьякона, заливаясь слезами, рассказывала, какъ на глазахъ дѣтей ее насиловала по очереди красноармейская стража, набивая ей ротъ, глаза и уши конскимъ навозомъ . . .

Въ селѣ Сергіевскомъ мученически погибъ членъ Гос. Думы третьяго созыва отъ крестьянъ Ставропольской губерніи И. А. Ефремовъ.

Въ селѣ Петровскомъ, сваливъ загубленныя жертвы съ крутого берега Калауса, въ томъ числѣ одного юношу-гимназиста, красноармейцы тѣшились, на- силуя ученицъ находящейся въ с. Петровскомъ женской гимназіи, истязая ихъ при этомъ.

Обслѣдованіе установило исключительно большой процентъ жертвъ, павшихъ на православныхъ священнослужителей и лицъ духовнаго званія. Почти каждое село насчитывало такія жертвы. Но исключительный по своей жестокости эпизодъ произошелъ на станціи Карамыкъ, гдѣ были сосредоточены и долго томились отъ жары, голода и жажды изъ раскаленныхъ зиоемъ желѣзоподорожныхъ пакгаузахъ жертвы, свезенные изъ окрестныхъ сель.

Вытащивъ находившагося тамъ престарѣлого священника, красноармейцы долго волочили его за волосы по шпаламъ къ мѣсту разстрѣла, когда же священникъ, благословляя предиазначеныхъ къ казни, застыль въ молитвенномъ экстазѣ и вѣкоторое время стоялъ и послѣ сдѣланнаго по жертвамъ залпа, одинъ изъ красноармейцевъ съ изстулениою бранью сорвалъ съ него одежду и надругались надъ старцемъ, какъ мужчиной, разсѣкъ священнику черепъ сабельнымъ ударомъ . . .

Представители ногайскаго племени удостоились своими письменными заявлениями о поруганіи храмовъ и мусульманскихъ святынь и жестокихъ казняхъ духовныхъ лицъ, произведенныхъ большевиками на ногайской территорії Ачикулакскаго уѣзда . . .

Но что могутъ прибавить эти кошмарныя отрывочныя воспоминанія къ общему зрѣлищу поруганной и распятой Россіи, все еще кровоточащей своими отверзтыми ранами?

Наше время творитъ своею рукою, точно пророческія знаменія апокалипсиса, и въ жизни людей, и въ жизни народовъ загадочныя, полныя ужаса, письмена, ии смысла, ии необходимости которыхъ не пойметъ человѣческий умъ.

Быть можетъ, только отдаленные потомки наши поймутъ и оцѣнятъ, для кого и почему нужны были всѣ эти муки и жертвы и воздадутъ позднюю справедливость жертвенно-опустошенной жизни нашей!

И, если въ мірѣ ничто не исчезаетъ, если отъ каждой жизни, ушедшей изъ земной оболочки, останется хоть огонекъ, мерцающій въ пространствѣ временъ, пусть дошедшее до его лучей позднее пониманіе хоть тогда озаритъ уютомъ и лаской всѣ загубленныя, насильственно потушенные души . . .

Имена же всѣхъ ихъ — Ты, Господи, однѣ вѣси . . .
